

Б. Конофальский

**Во сне и наяву
ОХОТНИК**

18+

Борис Конофальский

Во сне и наяву. Охотник

«Автор»

2022

Конофальский Б.

Во сне и наяву. Охотник / Б. Конофальский — «Автор», 2022

Продолжение приключений Светланы в своих страшных снах и не менее страшной яви.

© Конофальский Б., 2022

© Автор, 2022

Борис Конофальский

Во сне и наяву. Охотник

Охотник

Глава 1

Их не зря звали непочтительными. Твари они и есть твари. Роэ даже немного отодвинул трубку от уха, чтобы не слышать истошного визга и самой похабной брани, что неслись из динамика. Дав выплеснуться части словесной грязи, он поднёс телефон к уху и, как только ему представилась возможность, невозмутимо спросил:

– Я не понял, этот ваш ублюдок... он... так и не сделал дела?

– Нет! Не сделал! Её охраняет Гнилая! – провизжала из трубки баба. – Ты, чертила долбаный, должен был сказать нам об этом. Должен был сказать... Должен был сказать...

И снова грязь вперемешку с проклятиями сплошным потоком полилась из телефона. Но среди этого звукового мусора, среди проклятий и нелепых угроз, Роэ отметил для себя три вещи. Во-первых, дело не сделано, так как червя кто-то охранял. Во-вторых, эта визжащая в телефоне тварь была напугана. И напугана она тем, кто охранял девку. А в-третьих, этот кто-то ещё и отобрал у тупых десс их семейный нож. Главную реликвию рода.

«Уроды». Роэ не смог сдержаться, он даже засмеялся, отключая телефон. Ему их было не жалко. Сброд... Бесплезные ничтожества, которым ничего нельзя поручить. Потеряли свою реликвию! Да и хрен с ними... Так им и надо. Он опять усмехнулся, представив, как это их взбесило. Впрочем, смех смехом, а дело-то не сделано. И... червя охранял кто-то такой, кто чуть ли не до дефекации напугал молодую Мать из Южного табора. А Бледная Госпожа ждёт от него результата. Роэ отставил чашку с крепчайшим кофе. Как жаль, что сейчас нельзя курить в заведениях. Он задумался и вспомнил вот что... Да, когда он кружил вокруг дома, в котором живёт девка-червь, то чувствовал что-то неприятное. Что-то холодное за грудиной и в горле. Это чувство напоминало давно забытое им ощущение приближающейся тошноты.

«Интересно, Мартышка это тоже почувствовал?»

Виталий Леонидович закатил глаза к потолку. И, глядя в потолок, стал думать. И чем больше он думал, тем меньше ситуация ему нравилась. Госпожа, появившись в любую секунду и в любом месте, спросит его, найден ли червь, наказан ли? И он ответит, что найден, но не наказан. И на логичный вопрос «Почему?» ему придётся что-то лепетать насчёт стража, охраняющего червя. «Страж? И что это за страж?» – конечно же, спросит Бледная. И что он ей на это ответит?

«А Бог его знает, госпожа, мне от него хреновато становилось, но видеть я его не видал, и это всё, что я могу о нём сказать. А ещё его дессы до смерти испугались, он у них ножик семейный отобрал».

Да, хорош он будет. Роэман вернулся к своей чашке чёрного, как нефть, кофе. Он понял, что ему необходимо как минимум выяснить, что за страж охранял червя, а если рассудить по-хорошему, то ему необходимо найти способ этого стража обойти и выполнить повеление Бледной Госпожи. Да-а... Теперь это дело оказывалось не таким уж и простым, как он поначалу думал.

Роэ залпом допил кофе и поспешил на улицу, чтобы побыстрее закурить.

У него была липкая рукоять. Кажется, она была плотно обмотана какой-то старой, грязной, неприятно пахнувшей тряпкой, которая, стоило сжать пальцы, намертво прилипла к руке. Нож невозможно было сразу выпустить, тем более уронить случайно. Она попробовала... Немного разжала пальцы, но тесак не упал вниз, на кровать, а так и висел, прилипнув к тонкой девичей ладони. Светлана с удовольствием разглядывала его. Лезвие у основания сантиметров пять, длиною, ну... почти в локоть, железо толстое, тёмно-серое, в чёрных разводах. С одной

стороны не заточено, с другой стороны белая кромка, даже на вид ужасно острая. Нож был по-настоящему страшен, но его хотелось держать в руке. Кажется, он придавал ей... нет, не сил, а уверенности в себе. Светлана наотмашь разрубила воздух. От одного звука самой стало страшно. Сейчас она и не думала о том, что за этим ножом могут прийти хозяева. Сейчас она получала удовольствие только от того, что можно держать его в руке. И ещё, она даже не отдавала себе в этом отчёт, но ей хотелось как-нибудь испытать его. Но тут как раз подошло время гигиенических процедур, которые нужно было проводить с мамой. И поэтому Светлана нехотя разжала прилипавшие к рукояти пальцы и положила этот страшный нож туда, где на него никто случайно не наткнётся. Себе под подушку. Она пошла в ванную, взяла таз и налила в него тёплой воды, достала из шкафчика средства гигиены, губки, дезинфекторы и понесла всё это в мамину комнату, а сама всё думала об этом страшном и чарующем приобретении. Девочка была так увлечена ножом, что практически забыла о той, кто ей этот нож дал. Она не вспоминала об Элегантной Даме, как не вспоминала и о том чумазом пацане, что на неё с этим ножом бросился. Забыла, напрочь забыла про них. Это серое железо с липкой рукоятью и белой, смертельно острой кромкой заслонило собой всё остальное. Даже то, о чём ей как раз и нужно было задуматься в первую очередь. А ведь ей нужно было подумать о том, откуда взялся этот чумазый..., кажется, Дама назвала его дессой... И зачем он кинулся на неё? А Света думала о ноже. Обмывала маму и размышляла в основном о том, можно ли как-нибудь, хоть каким-нибудь способом протасить оружие в Истоки. Там-то она обязательно найдёт то, на чём можно будет его опробовать. Ну не на бумаге же испытывать нож? На бумаге неинтересно.

Такое было со Светланой в первый раз. Она была почему-то уверена, что если она ляжет спать с ножом в руке, он обязательно окажется там, с нею, в её сне. Девочка уже сбегала за братьями в садик, уже дождалась сиделку, успела помыть пол на кухне, сварить макароны папе на завтрак, и всё это время она ждала той минуты, когда можно будет лечь спать. За окном давным-давно стемнело, но время едва перевалило за девять часов. Братья сидели за компьютером и по своему обыкновению ругались.

– Услышу ещё одно обзывательство, – пообещала им Светлана с затаённой надеждой, – выключаете компьютер и ложитесь спать.

Макс и Колька покосились на неё и, зная, что сестра в таких случаях не шутит, притихли. А девочка легла на кровать засунула правую руку под подушку, надеясь нащупать ею нож, и... порезалась! Боль была тупой, не сильной. Но от неожиданности она едва слышно вскрикнула: «Ай, блин...» и выдернула руку из-под подушки.

Большие, тяжёлые капли тёмной крови сразу упали на пододеяльник. Рука была просто располосована от мизинца до сгиба кисти. «Как так можно было порезаться?». Девочка зажала рану и поглядела на пододеяльник.

«Ну вот, опять стирать, а он и так ветхий!».

Она слезла с кровати и заметила, что братья внимательно смотрят на неё.

– Ну, что? – резко спросила она у них. – Играйте.

– Свет, ты порезалась?

– Свет, а чем?

– Играйте, я вам сказала, – ответила она.

Девочка прошла в ванную, оставляя капли на полу, и осмотрела рану. Рана была глубокой, уж что-что, а резал ножичек хорошо. Боль, может, и отступила, но кровь, не останавливаясь, капала и капала в раковину. Света стала смывать её водой, но это не помогало. Нужен был бинт, но бинта в ванной не было, и пришлось обмотать руку туалетной бумагой, которая тут же пропиталась кровью и стала ужасно выглядеть, но кровь, кажется, она остановила. Только после этого девочка вышла из ванной и на ходу, вытирая капли крови на полу, пошла к себе в комнату. А войдя – ужаснулась: её братья, её глупые, маленькие братья, Макс и Коля, стояли у её кровати, и Колька держал в руке этот самый нож. В этом было что-то... что-то противо-

естественное: дети и страшное чёрное железо. Забыв про руку, Светлана вытаращила глаза и почти крикнула:

– Кто разрешил?

Глупость! Она сразу поняла: этого делать было нельзя. Нужно было спокойно подойти, забрать этот страшный предмет из детских рук, а уже потом как следует отругать мальчишек... Ну хотя бы за то, что осмелились копаться в её постели.

А сейчас Коля, перепугавшись грозной сестры, – они, кстати, оба испугались, – резко опустил нож вниз и едва-едва задел свою правую ногу чёрным металлом. Чуть выше колена.

Нож слегка коснулся ноги ребёнка, но Света уже знала, что будет. Ещё до того, как по стареньким штанам Кольки стало расплзаться чёрное пятно, она кинулась к нему и выхватила у него этот страшный предмет. Выхватила, бросила его на кровать и даже не стала ругать братьев, подхватила Колю на руки и понесла в ванную, на ходу приказав:

– Максим, на кухне в аптечке бинт, неси.

Всё-таки мальчишки, после того что произошло с родителями, повзрослели. Они ругались за компьютер, как дети; как дети, не хотели идти в садик или ложиться спать. Как дети, не хотели есть, что дают, и вечно клянчили сладкого, но сейчас они вели себя совсем как взрослые. Коля, хотя вся нога была в крови, молчал и почти не морщился, когда Света мазала рану йодом, а Максим помогал сестре. Без слов и вполне себе осмысленно.

– Вы тупые, – наконец произнесла она, когда повязка кое-как, но уже держалась на ноге брата; она поправила её и добавила строго: – Чтобы никто и никогда... Чтобы не смели трогать на моей кровати ничего, слышали?

– Слышали, – бурчал за двоих Максим.

– Марш спать, – она встала к зеркалу и начала разматывать слипшуюся бумагу. – Чтобы я пришла, и вы были уже в кровати.

– А пряник?! – возмутился Макс.

– А пряник с молоком?! – заканючил Коля одновременно с братом.

– Пять минут вам на пряники, и чтобы через пять минут были в постели, – приказала девочка. Сама же, взяв страшный нож – на сей раз с заметной осторожностью – пошла в ванную. Там, встав у зеркала, она ещё раз осмотрела порез на руке, из которого всё ещё капала кровь. Девочка перевела взгляд на оружие.

– Вот ты какой, оказывается. Любишь кровь, да?

Глупо было бы ждать, что остро заточенный кусок железа со старой и липкой рукояткой ей ответит. Светлана вспомнила, что в знаменитом мультфильме, который она смотрела всё детство, легендарные мечи имели свои имена, и поэтому добавила:

– Буду называть тебя «Кровопийца».

Девочка едва успела обмотать пораненную руку новой туалетной бумагой, а в дверь уже стучали близнецы. Пришли чистить зубы перед сном. К этому Светлана их приучила, чем немного гордилась. Она же вышла из ванной и пошла к себе. Ей не терпелось уложить братьев и лечь спать самой. Она хотела, чтобы нож оказался с нею в Истоках. Девочка выключила в комнате свет, встала у окна, положив нож на подоконник. Ждала, пока придут Макс с Колькой и улягутся наконец. И увидела её...

За окном был обычный петербургский вечер. Темно, дождь, через мокрое стекло окна видно не много, тусклые фонари во дворе. Дома тепло, включили батареи, а там, на дожде, наверное, холодно. И по этому дождю и холоду, по детской площадке, по центру двора, по мокрым жёлтым листьям не спеша шла Элегантная Дама. И больше вокруг не было никого. Она подошла к мокрой скамейке и спокойно села на неё. Достала что-то из кармана... Сигареты! На мгновение, всего на мгновение, вспыхнул огонёк. Он осветил лицо Дамы. И Свете стало не по себе. Расстояние между ними было немалое, и девочка скорее поняла, чем рассмотрела: лицо Дамы было чёрным. Светлана перевела взгляд на Кровопийцу, что мирно лежал перед ней на

подоконнике. И теперь-то она вспомнила сегодняшний случай, и того чумазого мальчишку, и то, как Дама его легко... победила, что ли? Вспомнила Света и о том, что Дама запретила задавать вопросы.

А этих вопросов у неё было очень много. Девочке даже захотелось одеться и выйти на дождь, попытаться поговорить с Дамой. Поговорить как-нибудь так, чтобы не злить её, не задавать ей вопросов и тем не менее хоть что-то вызнать.

Например, про то, почему какой-то десса кинулся на неё с ножом? И кто этот десса такой?

Но тут в комнату пришли братья из ванной. Стали раздеваться, и Света пошла к ним. Поправила повязку на ноге Коли, уложила, поцеловала обоих, что делала далеко не всегда, выключила свет:

– Всё, спите.

После снова подошла к окну. С удивительной невозмутимостью Дама всё сидела под холодным дождём, курила.

Девочке очень хотелось всё узнать, но она просто не решилась пойти на улицу и заговорить с нею.

Светлана подумала, что ей ещё представится случай поговорить с Дамой. Как-нибудь днём, когда будет не так... Когда вокруг всё будет не так мрачно.

Она быстро прошла в ванную, не забыв взять с подоконника нож – теперь-то его точно с близнецами она не оставит – и после, помывшись и почистив зубы, вернулась в свою комнату. Сразу прошла к окну. Дамы на детской площадке уже не было. Девочка легла под одеяло. Кровопийцу держала в руке. Она почему-то была уверена, что нож окажется с нею во сне. Света сжала его липкую рукоятку в кулачке и закрыла глаза.

Мухи. Во влажном мареве вонючей комнатки жужжат мухи. Это там, наяву, льёт холодный дождь, а тут за окном белый, как молоко, туман. Мухи тут большие. Омерзительные и кусачие. Эти мухи, конечно, не такие отвратные, как те, которых выплёвывает из слюнявой пасти мухоед, но и в этих, мягко говоря, приятного мало. Они жужжат, делая петлю, и шлёпаются со всего маха в грязное стекло окна. Девочка помнит, что на подоконнике их уже много. Больших, чёрных, высохших.

Света слышит мух и, ещё не открыв глаза, уже знает, что нож с нею. Она чувствует его не только ладонью. Девочка ощущает его чем-то внутри себя. Светлана открывает глаза и сразу смотрит на Кровопийцу. Да, он с нею. И он ей тут пригодится. В этом у неё сомнений нет. Но, странное дело, девочку больше радует не сам факт присутствия ножа, а то, что она была уверена в том, что он тут будет. А откуда она это знала? Света улыбается. Кажется, она понимает, что вещи можно проносить не только отсюда, некоторые вещи можно проносить и сюда. Это невозможно было объяснить. Но теперь она... она понимает, как это делать! Понимает? Понятие? Осознание? Неуловимая мысль? У неё даже закружилась голова от ощущений, что рождались в ней. И знаний, изящных и ажурных, что выкристаллизовывались из этих ощущений.

Всё это было непросто, всё это было странно, как морозные узоры на стекле, всё это было тонко, как нити паутины в прозрачном воздухе осени.

Она улыбалась. Милая светловолосая девочка в грязной куртке, в джинсах «на вырост», в ботинках разного цвета и с рюкзаком за спиной стояла в душной, наполненной огромными мухами комнате, держала в руке страшный нож и странно улыбалась.

Глава 2

Любопытный не придал ни малейшего значения приобретению Светланы, хотя она ловко, как ей казалось, при помощи верёвки повесила нож себе на пояс. Лю, поприветствовав девочку, сразу заговорил о деле:

– Прежде чем мы, Светлана-Света, отправимся к Черте, думаю, нам нужно будет навещать под Красное Дерево.

– К маме-Тает?

– Да. Думаю, это будет разумный ход. Вопрос с Аглаей вам без конфликта разрешить не удалось, а решать его вам придётся. Полагаю, будет разумным сходить к суприму, что проживает под Красным Деревом, и ещё раз услышать от него, что он вознаградит вас тем, чем обещал.

«Он опять про это!». Теперь-то у неё не осталось сомнений в том, что ничего не может заинтересовать Лю больше, чем медное кольцо мамы-Таи.

– Вы говорите про кольцо, которое останавливает время, Лю?

– Я говорю про кольцо и про то, что в пути на север оно точно нам не помешает.

В словах Любопытного, конечно, был смысл. Хотя Светлану стала немного... раздражать эта его одержимость временем и всем, что с ним связано.

«Он очень хочет заполучить это кольцо», – думала девочка, а сама, честно говоря, не очень хорошо понимала ценность этого приза. Может оттого, что считала, что за три-четыре, ну может, за пять секунд, ничего сделать или решить невозможно. А может, и оттого, что там, в полумраке зависшего времени, ей было очень, очень... не по себе, что ли. Тем не менее, она нехотя согласилась:

– Ну, ладно, пойдём, дойдём до Древа.

Нехотя, потому что не очень ей хотелось тащиться в противоположную от Черты сторону, а ещё и потому, что там, под Деревом, рядом с огромной бабицей в два с лишним, если не в три центнера весом и с её синими зубастыми сынками девочка не чувствовала себя в безопасности. Кто-то из синих мальчиков постоянно находился у неё за спиной в прошлый раз. Свету это нервировало. Но ей приходилось идти в это опасное место, чтобы удерживать при себе Лю. Только из-за него девочка шла туда. Она даже думать не хотела, что с ней станет, если Любопытный вдруг утратит к ней интерес.

Светлана взяла свою жабью палку, открыла тяжёлую входную дверь, остановилась на пороге и огляделась. От забора, на котором всё ещё висели разлагающиеся, чёрные останки, отбежал на четырёх конечностях слепой дедок. Вернее, отбежал на трёх, так как в одной руке он держал полусгнившую ногу. Туман почти рассеивался, дед искал убежище. На забор, на самые пики, с шумом уселась мерзкая птица. Заорала призывно и бочком, бочком пошла к останкам, собираясь полакомиться падалью. Казалось, что всё тихо, но Света уже научилась быть осторожной. Так что дедок и расслабленная птица никак не гарантировали того, что Аглая не прячется где-то рядом. Аглая явно неглупая баба, в чём недавно убедилась девочка. Она запросто притихнет и перехитрит и слепого деда, и глупую птицу. Но не Свету.

– Аглаи поблизости нет? – спросила девочка.

– Не вижу, – отозвался Лю.

Теперь, после того как она сходила за Черту и создала ему точку концентрации, он отвечал намного быстрее, чем раньше. Это её радовало, она полагала, что, сходя ещё раз за чёрной пылью, она ещё больше привяжет его к себе. Светлана вышла из депошки, поправила рюкзак, держа в левой руке жабью палку, а правой придерживая на поясе Кровопийцу, и не по асфальту, а прямо по мху побежала на север. К парку и СКК.

Девочка уже приспособилась ко мху; если не наступать на кочки, которые почти всегда скрывают полости, то по этой удивительно красивой поверхности можно уверенно бежать, так как для ботинок мох почти не страшен. Его ворсинки крепкой подошве почти не причиняют вреда. И при этом эти хищные поляны предоставляют отличную защиту от всех, у кого нет обуви. И теперь, соскакивая с поляны на разбитый асфальт дороги, девочка включала внимание на полную.

Уже через минуту она выбежала на проспект Гагарина. Глупый небольшой марабу сначала было кинулся к ней...

«Ну-ну, давай...». Светлане даже захотелось, чтобы он напал на неё, она проучила бы его одной палкой, даже не прибегая к ножу, но марабу, пробежав немного в её сторону... передумал. Остановился и не спеша пошёл к своему месту.

А девочка продолжила бег. Справа от неё, у СКК, привычно висели медузы. Теперь они не казались ей большой проблемой. Палкой от их липких щупалец, конечно, не отобьёшься, но убежать от них не так уж и сложно, главное – быть с ними начеку, не давать им подплыть к себе сзади, со спины.

И тут же от чугунного забора парка, из серой травы, выскочили и на четырёх конечностях побежали с нею два синих мальчика, не удаляясь, но и не приближаясь. Бежали, пронзительно чирикавая или звонко щёлкая, словно переговаривались. Круглоголовые, гибкие, поглядывали на неё, оскалив рты, а зубы в них – острые, тонкие, кривые. Как раз такие, какими удобно вцепиться намертво в ткани, в тело добычи. Вот их-то Света считала по-настоящему опасными существами. От них не убежишь. Двое – это, конечно, немного, но там, за завалами, под великолепным Красным Деревом она в прошлый раз видела их два десятка, не меньше.

А эти как будто ждали Свету и теперь сопровождали её. Они делали длинные, красивые прыжки, всё время поглядывая на девочку маленькими, недобрыми глазами. Вот поэтому Светлана и не хотела сюда ходить лишний раз.

Она сжала липкую рукоять Кровопийцы покрепче, с ним ей было поспокойнее. И, не снижая скорости, продолжила бег к завалам, спрашивая на ходу у Любопытного:

– Аглаи нигде не видно?

– Не видно, – отвечал Лю. – В зоне моей видимости её нет.

Девочка и сама это чувствовала, она угадывала в поведении мальчиков домашнее спокойствие и спросила об этом, чтобы знать, что Лю сейчас тут, с ней.

А синие, в свою очередь, чуть обогнав её, ловко перепрыгивая и оббегая заросли лопухов, взобрались на гору битого кирпича, что перегораживала проспект, на самый её верх, уселись там и уже оттуда поглядывали на Светлану – ждали её.

Но девочка не стала торопиться. Она ещё на выходе из депошки заметила, что тёмный конец её палки, острый конец, весь покрыт пылью. Жабью слизь нужно было обновить. Света стала палкой аккуратно раздвигать лопухи и почти сразу нашла там отличную, крупную, жирную, бурую жабу, величиной с большую тарелку. Жаба лениво плюнула в девочку струёй, но Света, зная этот жабий фокус, заранее приготовилась к нему. И весь яд попал на битый кирпич.

Девочка с силой стала прижимать жабу палкой.

– Ну, не жадничай, жаба, дай мне яда. Давай побольше...

Жаба и не жадничала, и сразу из желёз на её спине стала выделяться густая, жёлтая, похожая на мазь субстанция.

– Молодец, жабка, – сказала Света, оставляя животное в покое.

Она, сорвав большой лопух и свернув его в несколько раз, тщательно размазала эту мазь по концу палки. Теперь оружие было готово. Но даже оно не прибавило девочке желания лезть на кирпичную гору, к ожидавшим её двум синим мальчикам. Но девочка знала, Лю ждёт этого, поэтому вздохнула и не спеша полезла вверх, стараясь обходить места, где могли прятаться и другие жабы, которых в местных лопухах было предостаточно.

Запах кошачьего лотка. Пахло фекалиями. На жаре этот запах ещё и усиливался, становился резче. Мама-Тая стояла, ожидая девочку. Огромная её туша возвышалась на самом краю тени, что давала красная крона великолепного дерева. На солнце она не выходила. А синие мальчики всех возрастов и размеров повизгивали и пощёлкивали вокруг мамы, а часть из них так и кружила вокруг Светы, самые маленькие даже пытались потрогать её ноги, понюхать её, когда она проходила мимо них.

Светлане было страшно. Ей не нравилась вся эта суeta вокруг, она уже думала о том, что зря послушала Любопытного и что не нужно ей было сюда идти. Но она, раз уж дала себя

уговорить, старалась держаться храбро. Одной рукой сжимала жабью палку, другую положила на рукоять Кровопийцы.

Лю – он явно не из мира Светланы и мамы-Таи. Он не обратил внимания на нож Светланы. А вот мама-Тая обратила. Сразу заметила. Она уставилась на Кровопийцу своими маленькими глазками и разглядывала его, забыв даже поздороваться.

– И где это ты взяла... такое...? – спросила она, только теперь отрывая глаза от ножа.
– Нашла?

– Добыла, – почти с вызовом соврала Светлана.

– Добыла? – не поверила огромная баба. В её голосе отчётливо слышалось недоверие.

Наверное, Света это сделала зря, она не смогла сдержаться, девочка вспомнила слова Элегантной Дамы и произнесла с подростковой заносчивостью:

– С ним на меня напал непочтительный...

Мама-Тая ничего на это не ответила, но, чуть наклонившись к Светлане, потянула свою руку со свисающим с неё салом к ножу. И вдруг Света, сама себе удивляясь, отвела её жирные пальцы от своего оружия, не позволив толстухе прикоснуться к нему. Один из сыновей мамы, что был возле неё, уже седой, с морщинистой мордой, сразу кинулся к девочке, затрещал часто, дёргая кадыком, ощерился, показывая ей гнилые обломки страшных зубов. Но и этого Света не испугалась, а быстро, неуловимым движением просто взяла и поднесла ему к пасти чёрный от жабьего яда и острый конец палки. На – жри! Остальные мальчишки завизжали так пронзительно, что хоть уши затыкай, засуетились, стали подпрыгивать на месте, скалясь так же, как и первый, тоже пытаясь пугать девочку. Светлана быстро обернулась вправо, потом влево, ей было страшно. А кому бы не было? Но виду она не показывала. И тут раскатистый рык мамаша сразу перекрыл весь шум под красивым деревом:

– Тиха-а... Тиха, сыночки... Что же вы так... Зачем? Мы сами её сюда приглашали, она наша гостья. Не показывайте ей зубы...

Шум сразу стих, как по команде, а мама-Тая повернулась к девочке своим гигантским бесформенным задом и продолжала:

– Иди за мной, сядем у ручья, там, у воды, попрохладнее... Сядем и поговорим с тобою.

Девочка нехотя пошла за ней, настороженно поглядывая по сторонам, она не верила притихшим мальчишкам. И очень обрадовалась, услышав чистый и спокойный голос Любопытного:

– Пока у вас, Светлана-Света, нет причин для беспокойства. Я смотрю за этими существами.

Мамаша просто рухнула у ручья на удивительно красивый ковёр из красных дубовых листьев. И, колыхнувшись всем своим салом, произнесла:

– Садись рядышком. Вот сюда.

– Я только... Я хотела сказать, – начала Светлана, присаживаясь на красный ковёр и аккуратно укладывая Кровопийцу рядом с собой. Она замешкалась, не знала, как продолжить разговор.

– Спросите её, Светлана-Света: то её предложение насчёт кольца ещё в силе? – пришёл ей на помощь Лю.

– Я насчёт Аглаи..., – наконец произнесла девочка.

– Ага... Что ты надумала?

– Я это... Я с ней встречалась... Там...

– Ну-ну? – мама-Тая заинтересовано трясла подбородками.

– Короче, она чокнутая, – подвела итог девочка.

– И я о том же, – сразу оживилась толстуха, – жить с нею рядом нет сил никаких. Бешеная, бешеная...

А Лю гнул своё:

– Нужно обязательно уточнить у неё про кольцо.

Света даже поморщилась от такой его настойчивости, но она всё-таки отважилась спросить:

– А ваше предложение... Про кольцо. Помните... вы говорили?

– Про кольцо? – на маме-Таяе не было ни единого клочка ткани, но она моментально, словно фокусник, вытащила откуда-то колечко из медной проволоки, и теперь оно лежало на её пухлой, почти шарообразной ладони. – Ты про это?

Света взглянула на кольцо. Ничего необычного. Кусочек свёрнутой в кольцо проволоки. Оно бы было велико для любого её пальца.

– Наверное, – неуверенно произнесла она. – Вы сказали, что это кольцо мне... отдадите..., – девочка не успела договорить.

– Кольцо... Отдам, отдам тебе, если ты эту бешеную угостишь. Ты пришла ещё раз это услышать?

– Да, – Света кивнула.

– Так говорю тебе, если ещё раз хочешь услышать: отдам тебе это кольцо, как только узнаю, что ты пришибла Аглаю, – огромное лицо мамыши приблизилось к лицу девочки. Толстые слюнявые губы зашептали быстро и требовательно: – Тем более, теперь-то тебе несложно будет, вон у тебя нож какой. Полосни, полосни её им покрепче, она и изойдёт юшкой. Ты, главное, её не бойся.

«Не бойся...», – Светлана едва не усмехнулась. Как её не бояться? Аглая сильная, быстрая, хитрая. – Как её не бояться?».

А ещё девочка почувствовала, что именно от мамыши тут пахло фекалиями.

– Ты её не бойся, не бойся, – продолжала мама-Тая, источая этот свой запах, – ты, главное, свой нож до времени спрячь. Заверни его в тряпку. Не должна она его видеть до времени. До нужного времени, пусть думает, что у тебя есть лишь твоя палка, пусть кинется на тебя, а тут ты уже его и достань... И режь бешеную, не старайся её сразу заколоть, убить, она не дастся, полосни её как следует, а лучше полосни два раза, раз... раз..., – толстуха круглой ладонью рубит воздух, Света обращает внимание на то, что движения мамы-Таи весьма точны и быстры для такой горы жира, для такого рыхлого тела, а мамаша, не замечая изучающего взгляда девочки, продолжает её учить: – хоть по рукам её режь, хоть по башке, хоть по тулову, только поглубже режь, поглубже, до кости её кромсай, а потом отбеги от неё, отбегай, не подпускай к себе, бегаешь-то ты быстро, так бегай и жди... Жди. Ножик у тебя знатный, от него в шкуре такие дыры будут, что сразу не зарастут. Юшка из неё ручьями потечёт, а ты жди, не подпускай её к себе... Жди, пока она крови потеряет побольше, а как увидишь, что она устала, так подходи и добивай, горло ей режь или в брюхо коли. В сердце.

Странное дело, но Светлана слушала её очень внимательно, глаз не отрывала от засаленного лица мамыши, от её прищепывающих толстых губ. А кроме того, что она запоминала всё, что говорила мама-Тая, так девочка ещё и успевала подумать кое о чём. Например, о том, откуда эта на вид неповоротливая толстуха может знать, как надо убивать ловкую Аглаю при помощи Кровопийцы, а ещё девочка думала о том, что мама-Тая не дура, о том, что она хитрая, и о том, что с ней нужно быть осторожной.

– Значит, вы отдадите мне кольцо, останавливающее время, когда я... разберусь с Аглаей, – в последний раз спросила Светлана, когда мамаша, наконец, замолчала.

– Что? А... Кольцо, конечно, отдам. Да оно особо мне и не нужно, как узнаю, что Аглая сдохла, так сразу приходи. Отдам, отдам...

Глава 3

В детстве Светлана часто ездила к бабашке и дедушке в Воронеж и жила с ними за городом, и от подруг бабушки слышала много разных странных слов и выражений. И вот сейчас одно из тех странных выражений, смысл которого она раньше не понимала, сразу пришло к ней на ум, когда она услышала рассуждения Лю о том, какое выгодное соглашение они заключили.

Она бежала вдоль ограды парка, за нею бежали сразу шесть синих мальчиков, провожали её. А Любопытный в её голове не замолкал ни на секунду.

– Мы должны будем тщательно изучить этот артефакт, я подумаю над циклом испытаний кольца, я уверен, оно будет очень полезно в нашем путешествии на север, но сначала мы должны выявить рамки его возможностей и разобраться с функционалом.

«Не от мира сего!». Так говорила подруга бабушки о каком-то человеке, не приспособленном жить в этом мире. Тогда Свете это выражение казалось смешным, сейчас ей было не до смеха.

Она обернулась и, увидав, что стая синих отстала, перешла на быстрый шаг и произнесла:

– Лю, она не отдаст нам кольцо.

Ну и, конечно же, голос сразу стал ей возражать:

– Вы, очевидно, не расслышали, Светлана-Света, но тот суприм, что живёт под деревом, внятно сказал, подтвердил своё намерение дважды! Он дважды обещал отдать нам кольцо, как только мы выполним свою часть договора.

Девочка опять обернулась и чуть прибавила шага, видя, что небольшая медуза, которая плавала над парком, двинулась в её сторону:

– Лю, она не отдаст нам кольцо, и когда, прикончив Аглаю, я приду за ним, она попытается меня убить.

– Не думаю, что такое возможно, – нравоучительно и даже как-то высокомерно произнёс Любопытный. – Подумайте сами, Светлана-Света, ведь после подобного... вероломного акта с тем супримом никто и никогда не будет заключать никаких соглашений. Полагаю, что ваш тезис абсурден изначально.

«Нет, он точно не от мира сего!».

– Лю, не знаю, откуда вы, – Свете было даже как-то неловко учить Любопытного, – но тут, и даже в моём реальном мире, многие так себя и ведут... Понимаете? Так и ведут. Они хотят, ну, как это вам объяснить, кинуть всех, ну... всех обмануть, чтобы получить что-то для себя, получить всё, что можно, прямо здесь и прямо сейчас, не думая о последствиях.

– Но это какая-то голая и недалёковидная биология, это путь к упадку и деградации, ведь желание существовать за счёт других представителей своего же вида... это паразитирование. Думаю, что остальные особи вашего вида не будут мириться с паразитами в своей среде.

– Люди привыкли, – как-то невесело отвечала девочка.

– Это всё странно, – произнёс голос, но проблемы биологического вида, к которому принадлежала девочка, его волновали мало, а заполучить кольцо он хотел, поэтому Лю продолжал: – Допустим, вы правы, Светлана-Света, и этот суприм из-под дерева не захочет отдать нам кольцо после того, как мы выполним свою часть договора. В таком случае нам нужно вернуться к нему и попросить кольцо вперёд. Объяснив это тем, что кольцо поможет нам ликвидировать Аглаю.

– Не даст она, – коротко и уверенно ответила Света. – Мама-Тая притворяется доброй. Она хитрая и быстрая. И сильная. Нож мой ей понравился. Если мы вернёмся и попросим кольцо... мама-Тая вообще может натравить на меня своих сыночков. Убьём мы Аглаю или нет, ещё не ясно, а Кровопийцу заполучить ей уже хочется. Может, она и кольцо как-то так заполучила.

– Это всё странно, – констатировал Любопытный.

– Ничего тут странного нет, – сухо отвечала девочка, вспоминая того самого водителя «Лендровера» по фамилии Мельник, который был виновником аварии, в которой пострадали мама и папа. Тот самый Мельник, который через связи в суде, при помощи хитрых адвокатов и жадных страховых компаний, присудил папе выплачивать огромные деньги за свою машину.

– У нас всё так.

Настроение у неё от этого визита под Красное Дерево, от глупости Любопытного, от грустных воспоминаний, конечно, ухудшилось. И девочка снова перешла на бег. Быстро добежала до своих серебряных полей, пробежала мимо депошки и после больницы свернула на улицу Ленсовета. Всё было как обычно. Круглоголовая кошка прямо на дороге поймала крысу и разрывала её на части. Чуть западнее, ближе к Московскому проспекту, бродил по развалинам большой и горбатый муходед. Две медузы выплыли из-за полуразвалившегося здания и поплыли к нему, шевеля своей перламутровой бахромой на солнце. Светлане не очень хотелось говорить сейчас, но ей нужно было знать, что Лю в этот момент рядом с ней.

– Лю, вы тут?

– Да, я с вами, Светлана-Света. И как раз хотел сказать вам, чтобы вы остановились.

Света сразу остановилась:

– Что?

– Аглая. Она прячется слева, по ходу вашего движения. Наверху, за остатками стены. Она смотрит на вас.

Девочка сразу развернулась влево и посмотрела наверх. Там, на уровне второго этажа, метрах в пятидесяти от неё, на куче битого кирпича торчал край дома, угол целой стены с одним окном.

– Она смотрит на меня? – спросила Светлана.

– Да, она смотрит на вас, – отвечал голос.

Девочка смотрела как раз на ту стену с окном. Хотя и не находила глазами Аглаю. И Лю показалось, что она что-то задумала, поэтому он заговорил:

– Я не думаю, что сейчас у вас достаточно сил, чтобы ликвидировать её. Нам лучше уйти и подготовиться к этому акту, я бы не хотел вас потерять, даже простая рана будет для вас опасна, думаю, что нам необходимо свести риск к минимуму, найти удобный момент или выманить её на выгодную для нас местность. Для подготовки мне потребуется некоторое время.

И надо было бы его послушать и уйти, но девочка неожиданно решила ещё раз поговорить с этой чокнутой, вдруг повезёт, и их вражду удастся разрешить миром, и чёрт с ним, с кольцом мамы-Таи.

– Аглая, – крикнула она так звонко, что крысы, копошащиеся в развалинах, разом повернули головы в её сторону, и большая птица, чёрный попугай с хвостом-плёткой, сорвался с сухого дерева, сорвался и стал тяжело набирать высоту, полетел вдаль, не решаясь напасть на Светлану. – Аглая, давайте поговорим!

Крысы поняли, что всё это их не касается, и принялись дальше искать себе корм. Птица взлетела и села на крышу неразрушенного дома на другой стороне улицы. Но Аглая не вышла из-за стены.

– Она смотрит? – ещё раз спросила Света.

– Смотрит, – отвечал голос.

– И не двигается?

– Не двигается.

«Жаль», – подумала Светлана, сама же, чуть ослабив верёвку, на которой висел Кровопийца, и придерживая его, пошла в ту сторону, в которую и шла. Она уже приглядела себе большую серебряную поляну, на которой можно будет укрыться, если Аглая всё-таки кинется на неё.

– Лю, следите за ней.

– Я наблюдаю за ней, – заверил девочку голос.

Девочка прошла уже знакомый ей стебель фикуса, на котором не было ни одного листка. Ушла достаточно далеко, но всё ещё оборачивалась на тот обломок стены.

– Она ещё смотрит на вас, – произнёс Любопытный.

И только тогда девочка поняла, что Аглая уже не выйдет и не нападет. Она обрадовалась, поняв, что ситуация разрешилась без стычки. И к ней пришло облегчение. И мысль... что Аглая её... боится?! От этой мысли Светлана едва не улыбнулась, она даже чуть-чуть, самую малость, задрала вверх подбородок от приступа гордости, которая посетила её. Вот только гордиться ей пришлось недолго, ровно до той секунды, пока Лю ей не сообщил:

– Она вышла из своего укрытия и уходит на северо-восток, и она сейчас уязвима. Может быть, даже есть смысл её догнать.

– Уязвима? Догнать её? – спросила девочка, останавливаясь.

– Да, Аглая сильно хромает, она медленно спускается с кирпичного холма, у неё повреждена нога. Думаю..., – Любопытный сделал паузу. – Сейчас самое время догнать её и уничтожить. Она не сможет оказать вам серьёзного сопротивления, суприм из-под красного дерева говорил, что у вас есть хороший инструмент для выполнения этой миссии...

Девочка замерла и сжала рукоять Кровопийцы.

– Думаете, что сейчас пришло время?

– Другого такого шанса ликвидировать её нам придётся ждать долго. Догоните Аглаю, примените свой инструмент.

И тут же эта её заносчивость, вся её гордость испарилась, и подбородок уже не задирался.

– Сейчас?

– Да, я ещё вижу её, она идёт медленно. Её правая нога повреждена.

В каждом слове Любопытного она чувствовала нетерпение. Он ждал, что девочка наконец решится и кинется вслед уходящей Аглае. И Светлана поняла, что ей придётся это сделать. Еще недавно она и мысли такой допустить не могла, но голос подгонял её:

– Она ограничена в движении, и ваша подвижность – ваше большое преимущество. Используйте ваш инструмент, как советовал вам суприм из-под Красного Дерева.

«Используйте инструмент!». Звучит вполне себе прозаически, если не знать, что речь идёт о Кровопийце. Если честно, то Свете не хотелось его использовать. Просто не хотелось. Даже по отношению к этой злой и чокнутой бабе.

«Используйте инструмент!». Это в устах Любопытного звучало очень просто, но на самом деле речь шла об убийстве. Настоящем убийстве. С кровью!

– Человек Светлана-Света, начинайте действовать, иначе существо, представляющее для вас наибольшую угрозу, уйдёт.

Девочка лишь сжала рукоять ножа крепче... Но продолжала стоять на дороге.

– Человек Светлана-Света, сейчас ваш враг, ваша цель, покинет зону моей видимости, вам необходимо принять решение, если я должен продолжить наблюдение за ней, мне придётся покинуть зону нашей коммуникации..., – в первый раз Лю подгонял её. – Вам необходимо принять решение.

Но девочка всё ещё медлила. Во рту пересохло, захотелось пить... Аглая... Враг, настоящий враг... Убить её? Резать её ножом? Но ведь это очень... страшно...

– Человек Светлана-Света, – продолжал Любопытный спокойно, ему-то совсем не было страшно. Он был рассудителен. – Это хороший и вполне безопасный шанс избавиться от врага. Она сейчас не представляет для вас большой угрозы. И с ней нужно покончить. Когда она поправится, она снова станет представлять для вас опасность. Большую опасность.

Опасность? Да! С этим доводом спорить было невозможно. Наверное, он и повлиял на решение девочки.

«Может быть, Лю прав... Наверное, прав». Во всяком случае, она попытается.

– Ну... ладно, – наконец произнесла девочка. – Где она?

– Вы смотрите как раз в её сторону, вас разделяют только развалины.

Дальше стоять и раздумывать было как-то... глупо. И девочка, оглядевшись по сторонам, всё-таки сдвинулась с места и побежала, на ходу поправляя свой рюкзачок.

– Увеличьте скорость, – подгонял её Любопытный. – Она уходит.

Свету почти взбесило то, что он подгоняет и подгоняет её. Она совсем не хотела этого делать, не хотела она сейчас догонять Аглаю, не хотела делать с ней того, чего ожидал от неё голос, но опять, опять она боялась, что станет не интересна Любопытному. И что он бросит её здесь, в Истоках, одну и больше не появится. И Света побежала. Она быстро оббежала гору битого кирпича, ушла от широкой дороги и углубилась вглубь разрушенного квартала. И там, уже без помощи Любопытного, глазами отыскала Аглаю.

Света никогда не видела её со спины. И теперь, увидав, поразились. У Аглаи были очень широкие плечи. Как у мужчины, мужчины-спортсмена. Она шла, отставляя в сторону правую ступню, заметно припадая на неё. Шла медленно. А ещё, Лю даже не сказал Свете об этом, кожа Аглаи была тёмной, почти фиолетовой на ногах, на руках, на боках. Она вся была вымазана соком фикуса.

Света, стараясь не топтать ботинками, догоняла её, быстро догоняла. Она ещё не знала, что будет делать... Вернее, как она это будет делать. Это она думала, что не знает, но Кровопийца уже прилип к её ладони и, кажется, подрагивал в ней, словно от нетерпения.

Девочка, подбегая ближе, ещё раз поразились мощи своего врага. У Аглаи не только плечи были выдающиеся, у неё также была мужская мускулистая спина, накачанные, как у девочек, бегающих спринт, ягодицы и икры. Не зря Светлана её побаивалась. Аглая была необыкновенно сильной женщиной. И тут эта чокнутая, наверное, услышав шаги Светланы, обернулась. Обернулась. Косматая, нечёсаная, лицо кое-где грязное. А из-под грязных косм взгляд.

Девочка увидела её глаза. Никогда в жизни она ещё не видела столько ненависти в чьём-либо взгляде. И это не был безумный взгляд сумасшедшей бабы. Ненависть в глазах Аглаи была осмысленна. Она ненавидела Свету. В этом у девочки сомнений не осталось. И, странное дело, Светлане стало вдруг легче. Она поняла, что ей больше не жалко эту чокнутую. Свету даже порадовало, что Аглая отвернулась и прибавила шаг. Она почти перешла на бег, она бежала! Эта здоровенная бабища боялась Светлану! Ненавидела и боялась. От осознания этого страха Света едва не взлетала после каждого шага. А осознание ненависти придавало девочке решимости. Тем более, что рукоять Кровопийцы на удивление удобно лежала в ладони девочки.

Глава 4

Спина Аглаи не была выкрашена соком фикуса, девочка видела уже каждый мускул на этой загорелой спине... Света, чуть отведя палку, которую держала в левой руке, уже замахивалась ножом, который держала в правой. Шаг, ещё шаг... Топают ботиночки Светы по старому асфальту. Аглая опять оборачивается... Быстрый взгляд... и чокнутая ещё прибавляет скорости. Намеревается добраться до зарослей лопухов, что в человеческий рост вымахали на куче мусора. Но от Светланы ей уже не уйти. Шаг, ещё шаг... Девочка уже отводит нож в сторону, теперь ей не страшно, теперь она просто хочет побыстрее всё закончить, вон она, спина сумасшедшей бабы. По ней Света и полоснёт Кровопийцей. От правой лопатки вниз по диагонали... Для начала.

И тут Аглая повернулась к ней, она больше не убегала, видно, поняла, что не убежит, и... Их взгляды встретились. И теперь в глазах Аглаи девочка не увидела и намёка на испуг, даже растерянности в её глазах не было, а было в них весёлое... злорадство. Аглая оскалилась радостно и кинулась на девочку. Если бы не этот взгляд чокнутой, то Света, может быть, и пропала бы. Но Свете хватило одного страшного взгляда Аглаи, чтобы резко затормозить. Она остановилась... А дальше всё пошло как-то само собой. Аглая, уже ни капельки не хромая, подлетела к Свете, но та, не осознавая этого, ударила её жабьей палкой, стараясь попасть, как это ни странно, Аглае в лицо.

Но для чокнутой этот удар не представлял никакой угрозы. Она просто перехватила палку. Схватила её прямо за темный от жабьего яда острый конец и легко, словно у ребёнка,

вырвала палку из рук девочки. Отбросила её за ненадобностью. Яд ей был нипочём. А затем снова кинулась на Свету, но пока Аглая отбрасывала палку, она потратила долю секунды, и этой самой доли девочке и хватило, чтобы развернуться и кинуться бежать от сумасшедшей. Аглая едва успела схватить её за рюкзак одной рукой, взялась крепко, а второй она уже хотела вцепиться девочке в волосы. И тут Светлану впервые выручил Кровопийца. Она взмахнула ножом, отмахнулась им, словно свёрнутой газетой от назойливой мухи. И Аглая отпрянула, уворачиваясь от белой кромки лезвия, убрала руку и не схватила девочку за волосы. Чокнутая, кажется, понимала, что с этим лучше не шутить. И Светлана просто выскользнула из лямок рюкзака, в который вцепилась Аглая. Выскользнула и кинулась бежать.

А вслед ей полетел отборнейший мат и крик, срывающийся на истошный бабий визг и зловещий хохот, хохот как раз такой, каким и должна заливаться сумасшедшая маньячка.

– Стой, мразь! Стой! А-ха-ха... Стой!

«Нефига она не хромая! – Света бежала изо всех сил, так как слышала помимо этого ужасного хохота ещё и шлепки босых ног по горячему асфальту. – Да как она может так быстро бежать по битому асфальту, по обломкам кирпича без обуви?».

Но сумасшедшая летела за девочкой со скоростью хорошего спринтера и ещё умудрялась радостно орать на бегу:

– А-ха-ха... Я сдеру с тебя кожу твоим ножиком... С живой буду срезать! Стой, говорю, мразь!

Свету подгонял страх, такой страх, которого она не испытывала, даже оказавшись под землёй с жуками-кусаками. Она бежала так быстро, что могла бы на соревнованиях запросто посоперничать со старшими девочками, которые бегали «спринты». Посоперничать? Да она бы их сейчас победила. Хоть на сотне, хоть на двух. И ботинки ей совсем не мешали, не мешали ставить личные рекорды на коротких дистанциях. Она летела как на крыльях, едва касаясь земли, едва разбирая дорогу, не отдавая себе отчёта и тем не менее зная, куда бежит. Она бежала к спасительной поверхности серебряной поляны, которую заприметила ещё до того, как решилась погнаться за Аглаей.

А та, между прочим, не отставала, хохотала чокнутая и летела за девочкой.

– А-ха-ха... Стой, тварь, догоню тебя, догоню... Разорву тебе твою вонючую пилотку... Мразь... А-ха-ха...

Но эти её крики лишь придавали Свете сил, и она прибавляла и прибавляла, и уже через минуту запрыгнула на спасительную серебряную поляну и побежала по ней большими шагами, едва успевая разбирать перед собой дорогу, чтобы не дай Бог, не наступить на кочку, что были тут повсюду. Пробежала вглубь поляны метров тридцать и, лишь поняв, что Аглая матерится уже издалека, а не из-за спины, остановилась и развернулась.

– А-ха-ха-ха..., – теперь чокнутая скалилась на самом краю поляны и в мох, конечно же, идти не собиралась. – Убежала... Мелкая мразь! Всё равно... Всё равно я разорву тебе твою пилотку, кожу с тебя сдеру, а печёнку твою сожру... А-ха..., – чокнутая даже подпрыгивала на месте от злости, – ты, тварь, думаешь, что я не знаю, что ты таскаешься к жирной? Думаешь, не знаю, что вы там затеваете?

Сумасшедшая следила за ней? Света чуть напряглась, но не отвечала. Она стояла, восстанавливая дыхание и крепко сжимая Кровопийцу в руке, при этом не отрывая глаз от Аглаи. Теперь-то девочка поняла, какого опасного и хитрого врага она имела. То, что она думала об Аглае раньше, и на десятую долю не соответствовало действительной опасности, что представляла из себя эта долбанутая. Она следила за ней. Она притворялась, что хромает; поняв, что не может заставить Свету врасплох и напасть на её из укрытия, решила приманить её своей беспомощностью. Чокнутая, хоть и была ненормальной, тем не менее была очень и очень хитрой. Но сейчас у неё, кажется, начинала болеть рука, та самая рука, которой она хватала жабы палку.

Чокнутая поднесла руку к глазам, сжала и разжала пальцы и не то завывала, не то зарычала через стиснутые зубы:

– БИ-Ы-Ы...

Жабий жир всё-таки подействовал. Ей было по-настоящему больно. «А как ты хотела, долбанутая, это свежий жабий жирок, я его только что на палку собрала, он еще не запылится даже», – с удовлетворением подумала Света. И теперь ей совсем не было жалко Аглаю. А она ещё думала договориться с нею по-человечески. Нефига не получится. Теперь девочка отчётливо понимала, что им двоим тут не ужиться.

– Тварь, мразь, – заорала Аглая, – я до тебя доберусь!

Она повернулась и побежала прочь от моховой полянки, завывая на ходу и потрясывая обожжённой ядом рукой. А девочка дождалась, пока она отбежит подальше, и только тогда позвала:

– Лю!

Ничего. Тишина. Голос не отвечал. Она немного подождала, надеясь, что он её всё-таки слышал, и, не дождавшись, повторила:

– Лю, вы тут?

Но и на этот раз Любопытный не отозвался. Снова тишина. Только птица орёт где-то, да мухи жужжат в солнечном мареве. И больше ничего, никаких звуков.

Девочка стояла совсем одна, без своего рюкзака и своей без палки, из всего ценного только Кровопийца при ней и остался. Она крепко сжимала его липкую рукоять в своей ладони. Светлана огляделась. Медуз поблизости не было. Взглянула вниз: мох, извиваясь тонкими, серебряными ворсинками, ощупывал подошву, пытаясь хоть немного её «пожрать». На левый рукав плюхнулась огромная красноглазая муха. И сразу начала пробовать ткань куртки на вкус. Света хлопнула по ней ножом. Солнце палило немилосердно. Ветра не было. Было тихо. Ей захотелось пить. Кажется, в рюкзаке в бутылке оставалось немного воды. Но где он, этот рюкзак? Конечно, он был совсем недалеко. И до него можно было добежать, вот только уходить с серебряной поляны было страшно. Ведь поблизости ошивалась опасная сумасшедшая баба, обещавшая её убить. Убить зверски. И Лю ещё не отзывался. Ну как тут не захотеть поплакать.

Роэ видел, что таксист его побаивается. И чёрт бы с ним, но сейчас он хотел, чтобы ему не мешали, не суетились и ничего не говорили. Он достал комканую купюру в пять тысяч рублей и кинул её через плечо шофёра:

– Сдачи не надо.

Таксист подобрал оранжевый комок, развернул его и, поняв, что это, сразу сказал с заметным азиатским акцентом:

– Спасибо большое.

Роэман ему не ответил, в машине было тихо, таксист сразу выключил радио, когда Виталий Леонидович только садился в неё. Роэ застыл, глядел через стекло, по которому катились капли воды, на фонари освещения. Жёлтые пятна света едва-едва отодвигали от себя сырую черноту осеннего города. В машине было тепло, а там, за мокрым стеклом, было холодно. Холодно. И это был не простой холод. От него начинал мёрзнуть... затылок. Да. Затылок. А с затылка этот нездоровый озноб скатывался за воротник. И бежал меж лопаток мурашками, быстро сворачивая внутрь, к желудку, где удобно укладывался в виде лёгкого намёка на тошноту. Да, именно это Роэман и чувствовал в прошлый раз, когда приезжал сюда. Холод и тошнота – производные от страха перед могилой. Ему даже казалось, что в машине пахнет землёй. Сырою, насыщенной перегноем землёй. Хотя, этого, конечно, не могло быть. Откуда в машине земля? Да, тут однозначно что-то было... Что-то, что вызывало у него лёгкие приступы тошноты. И он хотел знать, что это.

– Езжай в ту арку, – наконец произнёс он. – Во двор.

– Туда? – таксист указал на арку, что была справа от машины.

– Туда, – сухо подтвердил Виталий Леонидович.

Таксисту явно не хотелось этого делать, кажется, он даже готов был вернуть деньги клиенту, лишь бы побыстрее расстаться с ним, но послушаться, и тем более спорить, он побоялся. И, помигав «поворотником», свернул во двор. Свернул и медленно поехал между рядов машин.

Роэман сразу увидел её. Он понял, что она и есть тот самый источник тошноты и страха. Ну хотя бы потому, что никого больше в мокром дворе не было. Да и кто из нормальных людей будет сидеть под холодным дождём на лавке? А ещё... Она даже не пряталась. Сидела на самом освещённом месте, на маленькой скамеечке у детской площадки. Курила. Виталий Леонидович видел, что её светлый плащ промок на плечах, груди и рукавах. И платок на голове тоже был мокрый. И при этом баба была в тёмных солнцезащитных очках. А то, что на дворе почти ночь и она уже изрядно промокла, – это её мало заботило.

– Куда ехать? – спросил таксист.

– Вперёд, – неожиданно резко ответил ему Роэман.

Сам он не отрывал от женщины взгляда. И вспоминал, что о ней визжала в телефон тупая десса. «Она, кажется, назвала её Гнилой».

Такси сделало поворот вдоль дома, и их взгляды встретились. Женщина глядела на него. Да, именно на него. Она знала о нём. Может, она так же чувствовала его, как и он её? И тут женщина встала, сняла тёмные очки – до сих пор она была в них – бросила окурочек на резиновое покрытие детской площадки. Она неотрывно смотрела на него, видела его даже в темноте салона машины, даже через мокрое стекло, она видела его. И он разглядел её тоже. Увидел её лицо.

Увидел и понял, понял, почему холодок бежал по его затылку, почему чувствовал себя тут так неуверенно, понял, почему так испуганно визжала десса в телефон, говоря о ней, и почему та, захлёбываясь в истерике, называла эту женщину «Гнилой». Теперь ему всё было ясно.

– Поехали отсюда, – быстро сказал Роэман шофёру.

И повторять таксисту было не нужно. Выехав из двора, он только спросил:

– Куда едем?

– На Итальянскую, – ответил ему Виталий Леонидович, откидываясь на спинку сиденья.

Он всё ещё вспоминал лицо женщины.

Глава 5

Он ходил сюда не первый год, тихое место, хотя и рядом с Невским. Немолодая барменша Надя уже давно знала его предпочтения. Она сразу поставила перед ним четыре рюмки хорошей водки и заварила ему два двойных эспрессо в чашке для капучино. Поставила сахарницу со щипцами. А после одиннадцати, когда посетителей в заведении не осталось, сама, без напоминаний и просьб, поставила перед ним ещё и пепельницу, достав её откуда-то из-под стойки. За это он её и ценил, всегда оставлял ей щедрые чаевые, а ещё, в награду за её чуткость и внимание к клиенту, он несколько раз заводил Надю в подсобку и там, среди стеллажей со стаканами и стопками салфеток, имел её почти не раздевая, сзади. Надя была женщина замужняя, но как только Виталий Леонидович появлялся в её заведении, она сразу старалась ему угодить и всякий раз ждала, что и на этот раз он заведёт её в подсобку. Но Роэ делал это нечестно. Нечего баловать. И теперь он, выпив первую рюмку водки и запив её крепчайшим кофе, глядел, как Надя поправляет свою причёску, как улыбается ему, как уходит к другому концу стойки и там невзначай наклоняется, демонстрируя ему свой зад. Нет, сегодня Надя обойдётся без его внимания. Хватит ей и чаевых. Тем более что сегодня он слишком раздражён, а когда он раздражён, он не уверен, что сможет себя сдерживать и не причинить ей непоправимого вреда.

А барменша поставила перед ним пепельницу: кури, пожалуйста, всё равно в баре уже нет никого, скоро закрытие. Она уже навела порядок и остановилась возле него, кажется, собиралась с ним поболтать, но Роэ достал из кармана телефон и жестом показал ей: не мешай. После

нашёл нужный номер и лишь потом достал сигареты. Он закурил, выпил ещё одну рюмку водки и только после этого сделал вызов.

Два гудка и обрыв. Тварь! Ну конечно же... Этот ублюдок не стал с ним говорить, посмотрел, кто звонит, и сразу сбросил. Виталий Леонидович сжал губы в нитку. В баре царил полумрак, но даже того света, что там был, Наде хватило, чтобы увидеть, как потемнело лицо единственного клиента. От него пахнуло холодом, и у опытной женщины хватило ума отойти подальше и не лезть к нему сейчас с разговорами.

А Роэман снова набирает номер и снова подносит телефон к уху. И через два гудка Мартышка снова его скидывает. Нет, Роэ не верит, что этот ублюдок его внёс в чёрный список, просто издевается, урод. Демонстрирует свою независимость. Ну что ж... Если вопрос стоит таким образом, то Виталий Леонидович не поленится и доедет до этого ублюдка. Неприязнь к Мартынову так его захлестнула, что он непроизвольно выпустил когти на левой руке. Выпустил и представил, с каким удовольствием вцепится ими ублюдку в глаза. Да, Мартышка вырос, это был уже не тот разбитной скобарь и мелкий вор с Лиговки, которого Роэман встретил у ограды Волковского кладбища. В те времена Мартынов смотрел на Виталия Леонидовича разинув рот, всегда был готов явиться по первому зову и по щелчку пальцев выполнить любую, любую его просьбу. Теперь это был заматерелый обитатель Истока, проводивший там много времени, сильный, хитрый, удачливый. А ведь это Роэман научил его «спать», раскрыл секреты выживания в «снах». Мартышка был ему обязан, всем обязан. И теперь этот обнаглевший ублюдок просто сбрасывает его звонки. Виталий Леонидович не на шутку разозлился. Да, Мартынов, конечно же, стал сильным, настолько сильным, что уже в открытую демонстрировал своё пренебрежение. Мог себе позволить, надеясь, что в силе он Роэману не уступит, если им доведётся встретиться. Но вот в чём он точно уступал Роэману, так это в опыте. И поэтому Виталий Леонидович, прежде чем вызвать такси, снова набрал телефон Мартынова. И тут Мартынов ответил:

– Ну чего ты названиваешь, видишь, не беру – значит, занят!

Говорил дерзко, даже грубо.

«Грязь говорящая!». Виталию Леонидовичу пришлось успокаивать себя, брать в руки. Он пару секунд выжидал, потом сделал вдох, выдохнул и заговорил спокойно, едва ли не заискивающе:

– Мартынов, ты не загребай, я ж не для удовольствия звоню.

– Короче, что надо? – продолжает борзеть Мартыха, и ещё тон такой выбрал, как будто снисходит до Роэмана.

И тому было трудно сдерживаться, но он продолжал спокойно:

– Я всё по тому же делу...

– Слушай, Роэман, – Мартынов не дал ему договорить, – найми себе шофёра, я тебя возить не нанимался.

– А раньше и не нанимаясь возил, – напомнил ему Виталий Леонидович. – Было время.

– Что было, то былём поросло. Теперь я сам по себе, – чётко произнёс бывший помощник. – Я тебе и так помог червя найти, это тебе как бонус, больше я тебе ничего не должен.

– Не должен, значит? – как-то и не особо настаивая переспросил Роэ.

– Нет! – твёрдо произнёс Мартынов.

– Ну, нет так нет. Но на сей раз тебе шофёрить не придётся. А вот помочь Бледной...

– Бледной? Роэман, не надо мне вкручивать... Это тебе нужно. Это тебя она просила, ты для неё стараешься – вот и старайся, шустри, я-то тут при чём?

– Я просто думал... доверить ритуал тебе. Если ты решишь вопрос с червём, Бледная о тебе узнает, – произнёс Виталий Леонидович.

Мартынов не ответил ему сразу. Он думал.

– Ты предлагаешь мне исполнить поручение Бледной госпожи? Решить вопрос с червём? – в голосе Мартынова послышалась явная заинтересованность. Первый раз за весь разговор он не быковал. Но, кажется, не верил Виталию Леонидовичу.

– Да, червя нашёл я, ты исполнил повеление, – продолжал Роэман, – все в выигрыше.

– Всё равно я сейчас встретиться не смогу, я занят, – произнёс Мартынов уже совсем другим тоном.

– А сейчас и не нужно встречаться. Встретимся утром, часов в шесть. Подъедем на место, к её дому, и там до рассвета всё решим.

– Заберу тебя на углу Невского и Садовой. Там, где обычно, – сказал Мартышка, заканчивая разговор.

– Буду ждать, – произнёс Роэман.

«Ублюдок». Роэман отключил и спрятал телефон в карман. Выпил водки и запил её хорошим глотком кофе. Теперь ему стало лучше. Он даже уже не злился на Мартынова, но продолжал думать о нём.

И сколько тут стоять? Солнце печёт, в куртке жарко.

– Лю..., – Света уже почти не скрывала раздражения. – Лю-ю...

Нет, ей так никто и не ответил, никто не ответил. Пропал. Почему Любопытный не отзывается? Неужели у него кончился ресурс? Или ему сейчас нечего ей сказать? Хорошо, если ресурс. Но Светлане казалось, что он не отвечает ей потому, что чувствует свою вину. А девочка как раз не хотела, чтобы он себя винил. Если он ответит, то она с ним заговорит и не будет укорять его ни в чём, лишь бы он откликнулся. И пусть ей было очень жалко её удобного и вместительного рюкзака со всеми нужными вещами, что были в нём, и пусть ей было жалко её прекрасную и такую полезную палку, она не скажет ему ни одного укоризненного слова.

– Лю, ну где вы? Вы тут?

И снова тишина. Вернее, где-то, совсем недалеко, за грудой битого камня, залиvisto залаяла собака, в ответ ей гортанно проорала птица, и крупный чёрный попугай бесшумно пролетел и сел на высохшее дерево в ста метрах от девочки, он явно смотрел на неё. Света всё ещё была напряжена, и не мудрено – тут было опасно.

Она осмотрелась. Ей отсюда было видно большое и почти чёрное здание Ленсовета. Верхнюю его часть, что возвышалась над развалинами. Улица Типанова уходила вдаль, на восток. К страшному месту, которое она теперь знала как Танцы.

А к чёрному попугаю на ветку сел сородич, теперь они вдвоём тарасились на девочку, изредка подёргивая хвостами-жгутами. Надо было отсюда выбираться. Света, конечно, боялась Аглаю, но почему-то ей казалось, что этой чокнутой уже нет поблизости. Уж больно выразительно та трясла рукой, которой хваталась за жабую палку. Оказалось, что жабий «жир» даже для Аглаи был очень неприятен. Нужно было уходить отсюда, тем более что вдалеке, на юге, у развалин одного из домов появился муходед с большим горбом. Светлана вздохнула и, чуть-чуть помахав тесаком для храбрости, пошла к краю поляны.

Попугаи неотрывно смотрели, как девочка сошла с серебра на битый асфальт. Ей очень хотелось убратся отсюда и побыстрее добраться до спасительной депошки, в которой можно спрятаться и от попугаев, и от опасных муходедов с их мухами. Но прежде, чем побежать к своему укрытию, она решила вернуться на то место, где ей пришлось отбиваться от чокнутой. И она поспешила туда и... ещё издали увидела свой рюкзак. А ещё вещи, высыпавшиеся оттуда. Аглая так и не вернулась к рюкзаку. Видно, из-за боли в обожжённой жабым ядом руке ей было не до того. Света быстро побежала к своим вещам, и чем ближе к ним приближалась, тем отчётливее понимала, что кто-то эти вещи разбросал. Сами они так лечь на землю не могли. Этот кто-то доставал вещи и откидывал их в сторону, видимо, не считая их интересными. Светлана подбежала к рюкзаку. И прежде чем присесть, осмотрелась. Два попугая, всё те же, теперь сидели на старом рекламном щите.

«Как тихо они летают, прямо как медузы! С ними надо быть начеку!».

Она развернулась так, чтобы держать их в поле зрения, и присела к рюкзаку. Монеты были рассыпаны рядом, но даже золото было на месте. Свету это очень порадовало. И пластиковая бутылка была тут, только абсолютно пустая, и крышка от неё валялась тут же, и резиновые перчатки, и верёвка, и многое другое, кроме... Коробочка, в которой она хранила листики фикуса, была пуста. И самое главное, была пуста банка, в которой она держала страшного и противного жука-могильщика. Крышка валялась на асфальте, а жука... выпустили? Забрали? Банка была тут же. А вот тут Света расстроилась, уж куда ей точно не хотелось идти по новой, так это на Танцы. Ей стало очень жаль своего жука, так жаль, что теперь он даже уже и не казался ей таким противным. Она, поглядывая на попугаев, стала быстро собирать вещи и укладывать их в рюкзак, размышляя о том, что Любопытный ей будет нужен, если она надумает снова тащиться на Танцы за новым жуком. Девочка уже встала во весь рост. Монеты в кармане, она потом их завяжет в тряпицу, когда доберётся до депошки, все вещи в рюкзаке, рюкзак за спиной. И тут один за другим попугаи срываются с рекламного стенда. У Светланы едва не остановилось сердце, она думала, что они собираются к ней, но птицы, беззвучно хлопая крыльями, уходят в сторону, быстро набирая высоту, а потом, как по команде, ныряют вниз. А куда они ныряют, девочка не видит, ей мешают развалины. Но слышит. Из-за развалин доносится истошный вой. Светлана даже не может поначалу понять: это орёт человек или какое-то животное? Странное дело, но ей не было страшно. Света, чуть подкинув рюкзак на плече, чтобы поудобнее лёг, полезла на развалины, держа Кровопийцу перед собой. Она видела, как попугаи сделали ещё один нырок вниз, после которого опять раздался вой, а за ним ещё и ругань. Теперь было ясно, что птицы нападают на человека. Судя по голосу – на мужчину. Она увидела здорового голого мужика. Мужик жался к полуразваленной стене, был весь фиолетово-синий от сока фикуса и отмахивался от наседавших попугаев палкой.

«Это моя палка!». Света разозлилась. Теперь ей было ясно, кто копался в её рюкзаке, нет, это была не Аглая. Это вот этот вот... Матерящийся на птиц голый мужик, это он украл у неё жука-трупоеда и листья фикуса. А ещё у него был сильно распорот левый бок. Из раны по фиолетовой коже на ягодицу стекала кровь. Она, перемешиваясь с соком фикуса, казалась чёрной.

– А-а-а...! Падлы...! – орал мужик, а сам уже задом, задом втискивался в щель между остатками стены и обломками кладки.

Там он спрятался от попугаев, которые уселись на самый верх обломков и, кажется, собирались дожидаться, пока он вылезет из убежища. Из щели торчала только палка Светланы. А девочка, почти не обращая на птиц внимания, залезла на кучу кирпича, приблизилась к этой щели и, заглянув в неё, сказала зло:

– Где мой жук?

У мужика были бешеные глаза, он разинул рот и заорал истошно, не то он сам боялся, не то хотел её напугать.

– А-а-а...!

Зубы жёлтые, морда и руки выкрашены в фиолетовый цвет фикуса. Орал он из этой своей щели и напоминал какое-то загнанное в угол большое животное. Глаза бешеные. Он тарасил их на девочку и даже ткнул чёрным концом палки в её сторону. Жука у него, конечно же, не было. У него вообще, кроме палки, ничего не было, ни одежды, ни обуви. Света, поняв это, схватилась за конец палки, за то место, где не было жабьего яда, и зло сказала:

– Дай сюда! Это моя палка.

Но мужик не отдавал палку. Вцепился в неё и опять проорал весьма громко:

– А-а-а...!

– Дай сюда, я сказала! – шипела Света, одной рукой тянула к себе палку, а другой поднесла к щели Кровопийцу. – По-хорошему отдай!

И только после этого мужик выпустил её палку, но ещё поорал ей вслед, но уже как-то уныло. Словно обиделся.

Палка очень обрадовала девочку. Света победно взглянула на попугаев, которые всё ещё сидели на обломках стены и своими чёрными, будто из стекла, глазами внимательно следили за ней. Было жарко, в щели ещё подвывал мужик, девочка не спеша повесила тесак на пояс и стала спускаться вниз. Она собиралась вернуться в депошку и решить, где взять нового жука для похода за черту. И ещё где взять воды. Ей очень хотелось пить.

Садовая и Невский. Хорошее место. Тут всегда кипит жизнь. Здесь на светофоре даже в пять утра стоят машины. Дождь, снег, мороз, октябрь, июнь – без разницы, тут всегда машины, а перед ними, через переход, по Невскому всегда идут люди.

Он стоит на самом краю тротуара, почти на поребрике, прячет руки в карманы, а шею в поднятый воротник. Смотрит на просыпающийся город. Количество машин растёт прямо на глазах. Мокрый асфальт, светофор, шум с проспекта, огни фонарей. Хорошо, что нет ветра. Виталий Леонидович выкурил уже три сигареты, ожидая Мартынова. Мимо него прошла группка подвыпивших молодых людей, оживлённо болтавших. Молодые мужики что-то обсуждают, молодые женщины смеются. Седьмой час, многие уже выходят на работу, вон дворник в оранжевом жилете уже собирает мусор с асфальта, а эти только закончили отдыхать.

У него промок плащ. Больше не хотелось курить, а этот ублюдок всё не ехал. Роэ был уверен, что он опаздывает специально. Демонстрирует свою независимость. Пусть, пусть... Ничего. Виталий Леонидович мог смирить гордыню, он терпеливо ждал. И дождался.

Было уже пятнадцать минут седьмого, когда большая, тёмная машина Мартынова бесцеремонно и с нарушениями правил вывернула на Садовую с улицы, которая вела к цирку.

Дорогая машина остановилась прямо у тротуара, но Гена так встал, что Роэману пришлось сделать несколько шагов к ней. Ладно, он не гордый, он пройдёт. Виталий Леонидович попытался открыть заднюю дверь. Но та была заперта. Через чёрные тонированные стёкла ничего не разглядеть. Тогда он дёрнул ручку передней пассажирской двери. Эта дверь открылась. Ясно. Мартынов не открыл ему задние двери, не хотел, чтобы он сидел сзади.

«Осторожный, ублюдок».

Глава 6

– Короче... Давай сразу определимся, – начал Мартынов, едва Виталий Леонидович закрыл дверь.

Роэман молча смотрел на него, ждал продолжения. И приняв молчание за согласие, Гена продолжил:

– Я больше суетиться на тебя не буду, можешь даже не звонить, я теперь сам по себе. Хочешь выяснить отношения – я готов, хоть тут, хоть на той стороне.

В машине почти нет света, только тот, что от приборной доски. Пару секунд эти два опасных мужчины смотрят друг на друга.

– Ну ладно..., – наконец согласился Роэман.

Согласился легко, и эта лёгкость, кажется, удивила Мартынова:

– То есть, без претензий? – уточняет он.

– Да..., – Роэман делает паузу. – Только вопрос с червём нужно решить. И будем считать, что ты мне ничем не обязан.

– Решим... Без проблем. Сейчас всё и сделаем, – кажется, Гена даже рад, что всё так разрешилось. – А как решать? Чем?

– Чем хочешь, – отвечает Роэ.

Мартышка наклоняется к рулю и откуда-то из-под сиденья достаёт старенький, ещё советский туристический топорик.

– Подойдёт? Или у меня нож есть.

– Нет, это подойдёт.

– Бледная узнает, что я помогал?

«О, тебе хочется не только отвязаться от меня, тебе хочется ещё и услужить госпоже?». Но сейчас Роэ не будет с ним торговаться.

– Госпожа узнает о тебе.

Больше говорить им было не о чем. Мощный мотор взревел, и большая машина, чуть не устроив ДТП, отъехала от поребрика и пересекла Невский проспект почти на красный сигнал светофора. Виталий Леонидович ещё пару дней назад всё высказал по этому поводу Мартынову, но теперь он только пристегнул ремень безопасности.

«Чёрт с ним, главное сейчас с ним не поссориться, пусть сделает дело, а там... А там будет видно».

– Света... Света..., – её тормозили за плечо, и это, конечно, был Коля. – Света, вставай, ты будильник проспала.

Первым делом она пошарила у себя под одеялом: тесака не было. Значит, он остался во сне? Ну и хорошо... Хорошо, там ему и место. Девочка с трудом разлепила веки и, ещё плохо соображая, пробормотала:

– Зубы чистить.

– Мы уже почистили! – сообщил ей Максим. – И оделись.

– Молодцы, – Светлана уселась на постели. Она ещё раз поглядела на кровать. Нет. Крокопица точно остался во сне. Она моргает глазами, чтобы хоть как-то сфокусировать зрение. Сегодня ей почему-то было непросто вставать. В квартире тепло. А за окном темно и идёт дождик.

– Сколько времени? – она потянулась к телефону, что лежал в изголовье, у подушки. Но в нем сел аккумулятор, забыла поставить заряжаться на ночь.

– Мы не знаем! Сейчас, – сказал ей Максим. У братьев на двоих был один старенький телефончик. Макс нажал кнопку и произнёс: – Семёрка, точка, двойка и восьмёрка.

– Полвосьмого, – Светлана потянулась. Нужно было вставать, вести братьев в садик.

Она вывалилась из кровати и, шлёпая по полу босыми ногами, вышла в коридор, где чуть не столкнулась с Ивановой.

– Доброе утро, Ольга Александровна, – Света хоть и поговорила с ней насчёт денег весьма серьёзно и, кажется, даже поставила её на место, тем не менее не хотела злить эту неприятную бабу, тем более что сиделка относилась к своей работе вполне ответственно. Поэтому Светлана была с ней предельно вежлива.

– Доброе, – буркнула Иванова и прошла мимо.

– Как мама? – ей вслед спросила девочка.

Та остановилась и повернулась к ней.

– Без изменений, незапланированных инъекций не потребовалось, давление было низковато, но в пределах нормы, пульс стабильный, только что её переворачивала, пока не ушла, могу обтереть.

– Будьте добры, – произнесла Светлана. – А то я опаздываю.

Взгляд сиделки нужно было видеть: ты всегда опаздываешь. Она молча повернулась и ушла в комнату мамы. А Светлана поспешила в ванную, мыться и собираться.

Не холодно, но дождик. Хмурое, хмурое, серое, серое утро. День едва выкарабкивался из-за домов. Машины выезжают из дворов, собачатники выгуливают собак. Дождь, снег, всё равно – собакам нужно гулять. Пенсионеры, закутавшись в плащи из плёнки, уже куда-то собрались. А девочка пожалела, что не взяла зонт. До садика они добрались кое-как, от садика до магазина она добежала, а вот из магазина до дома девочка уже бежала как следует, но и это ей не помогло. Дождь пошёл такой сильный, что промокла за минуту. Спортивный костюм, старые кроссовки – всё промокло моментально. Света забежала в подъезд мокрая и с мыслью, что ей нужна новая

одежда. И обувь. И не обязательно спортивная. Ведь деньги у неё есть. Главное – что по этому поводу сказать папе. А вот это была задачка.

Сказать, что нашла? И не сказав ему, не посоветовавшись с ним, потратила? Нет, этот вариант не подходил... А что тогда? Где девочка в шестнадцать лет может взять деньги? Заработать. А где заработать так, чтобы не выходить из дома? Ничего приличного ей в голову не приходило. А тем временем Иванова коротко повторила всё о состоянии мамы и ушла. Девочка быстро переоделась в сухое и стала разбирать покупки, предварительно поставив вариться макароны.

Папа никогда не опаздывал ни на работу, ни с ней. В двадцать минут девятого он уже звенел ключами в прихожей. Сейчас хлопнет входная дверь, потом он сядет на пуфик в прихожей, поставит костыли к стене и разуется. После этого можно будет услышать, как бухают по полу резиновые насадки на костылях и его слова: «Светик, ну как вы тут, как мама?».

– Светланка! Ну как вы, как мальчишки? Как мама? – вид у него уставший, он с резки салатов всегда приходит такой. Стоит в проходе кухни, опираясь на костыли.

– Нормально, па. Мальчиков отвела. У мамы кризисов не было. Вот сосиски тебе варю, – она показывает отцу упаковку сосисок.

– Ух ты, «Окраина?» Они же дорогие, – сразу замечает отец.

Его не проведёшь, он ведь ещё и в магазине работает в охране.

– По «уценёнке» взяла, – сразу нашла что сказать Света, хотя в этот раз она заплатила за упаковку сосисок больше трёх сотен рублей.

– Ладно, давай, – он садится за стол, ставит костыли рядом, – попробуем, что это за деликатес.

Они завтракали вместе. Светлане очень нравилось завтракать с отцом, он по утрам не был грустен. Шутил, разговаривал с нею, даже если приходил с «салатов» уставший. Макароны, дорогие сосиски, кетчуп, чай, «свердловские» булки с маслом. За окном уже рассвело, дождь кончился. Всё было вкусно, а после Светлана мыла посуду, мыла медленно, надеясь, что папа не отправит её в школу. Но насчёт этого отец был неумолим.

– Светланка, оставь, я домою.

– Па, уже второй урок начался, пока дойду – третий начнётся. Смысл? – заговорила девочка. – Я с мамой побуду, а ты сможешь выспаться.

– Нет, Света, мы с тобой на этот счёт уже не раз говорили, школу мы бросать не будем, – он всё мечтал, что Светлана поступит в институт.

В «Лесгафта».

Девочка не стала с ним спорить. Это было бесполезно. Стала собираться в школу. Только вот в чём идти? Её одежда промокла, а ту, которая была сухой, лучше в школу не надевать. Этого старья ей одноклассники точно не простят. Она взяла рюкзак с единственной в нём тетрадью, и... взяла половину оставшихся у неё денег. Поцеловала папу, который сел подремать в кресло рядом с мамой. В школу она идти точно не собиралась.

Виталий Леонидович был раздражён, из-за этого болвана они упустили девку, когда та выходила из садика после того, как отвела туда детей. Мартынов не сразу понял, как подъехать к дому. И выехал на проезжую часть. Когда они сделали крюк, заехали во двор, простояли у выхода из детского сада пятнадцать минут, то поняли, что потеряли её. Она уже из него ушла.

– Подождём у дома, – произнёс Гена Мартынов, выезжая из двора, в котором располагался детсад. – По-всякому ей в школу идти.

– Уже рассветает, – как бы между прочим напомнил ему Роэман.

– Да мне по хрену, – заносчиво отвечал Мартынов, вызываясь взглянув на Виталия Леонидовича. – Рассветёт, не рассветёт...

Тот, скрывая своё раздражение, только кивнул, соглашаясь: хорошо.

Мартынов, конечно, заматерел. За то время, что Роэ его знал, веса набрал вдвое от того, что было. Здоровый кабан! И это при том, что на нём почти нет сала; морда, руки на руле, пальцы – всё большое, сильное. С ним придётся попотеть... Если он, конечно, сделает дело. Если сделает... А в этом Виталий Леонидович сомневался. Он снова и снова бросал взгляды на Мартынова, пытаясь по его лицу понять, чувствует ли Гена то, что чувствует сейчас он сам. Нет, лицо у того было каменным. Мартышка смотрит перед собой в предрассветное мокрое утро, освещённое фарами, и по лицу не разберёшь, что он там чувствует, о чём думает. А вот сам Виталий Леонидович снова чувствовал холод, тяжёлый холодный ком прямо за грудиной. Этакая замораживающая смесь ощущения опасности вперемешку с тошнотой. И это его беспокоило больше всего. Он знал, что та, которую он уже видел, где-то рядом.

Они заехали во двор того дома, где жила девка. Как раз какой-то «мицубиси» вывернул и уехал, оставив им удобное место для парковки напротив её парадной. Мартынов выключил фары, но мотора не заглушил. Стал копаться в радиостанциях, ища музыку.

«Поставит шансон? Нет... Ещё хуже...», – Мартышка остановил свой выбор на тошнотворной волне «Русского радио» – Мало мне тошноты внутри, теперь ещё это слушать!».

Но ничего поделать было нельзя, он готов потерпеть для дела даже это. Пусть Гена всё сделает, а там... И тут Роэман, увидав девочку, произнёс:

– Она!

– Где? – Мартышка тут же оторвался от радиоприёмника.

Девочка подбежала к парадной, у неё был пакет с продуктами из дешёвого магазина. Мартынов схватился за топор и уже хотел открыть дверь машины... Собирался, но девка уже забежала в парадную, и железная дверь закрылась.

– Ладно, – произнёс Мартынов, – сейчас подожду, пока кто выйдет из дома, войду и пойду к червя... Постучусь к ней и всё решу.

– Постучишься? А если она не откроет? Будешь рубить дверь?

Заметный скепсис в словах Роэмана остановил Мартынова, а тот ещё и продолжал:

– Она не одна дома.

– Откуда знаешь?

Роэман ткнул пальцем в светящиеся окна:

– Это её. Там кто-то был до её прихода.

– Да пофигу, – говорит Мартынов, поигрывая топориком – Попробую, вдруг откроют.

Да, Гене «пофигу», он убьёт всех, кто есть в квартире. В этом Виталий Леонидович не сомневается. Он ничего не отвечает Мартынову, его сейчас волнует другое. Чувство! Чувство холода за грудиной усилилось. Роэман даже стал машинально растирать грудь. Но это не помогло. Он через мокрые стекла машины стал осматриваться. Вглядываться в утро. Но ничего не видел. Ну, люди выходят из домов. Женщины, мужчины. Садятся в машины, уходят пешком. Дворник появился. Нет, ничего такого, что могло бы представлять для него опасность, он не видел. Но опасность была. Была!

Мартынову, кажется, передалась его тревога. Он посидел чуть-чуть, готовый уже выйти, но не сделал этого. Покосился на Роэмана и, положив топорик рядом с собой, произнёс:

– Ладно, подожду.

«Ну подожди, подожди...». Роэман достал сигареты, ему сейчас нужно было покурить.

– Я же просил тебя не курить в машине, – начал было Мартышка.

Но Виталий Леонидович даже не взглянул в его сторону, а, чуть приоткрыв окно, закурил.

Им пришлось там постоять. Уже рассвело. Компьютер показывал семь градусов тепла. На лобовом стекле ещё оставались капли, но дождь прекратился. Сыро, тепло. От земли стал подниматься туман.

И тут в закрытом с четырёх сторон дворе, где почти никогда не бывает ветра, туман завязался, тяжёлый, густой. Виталий Леонидович, конечно, видел дверь парадной, но уже начинал волноваться: не пропустить бы её опять.

– Она, что, сегодня в школу не пойдёт, что ли? – бубнил Мартынов, чуть опуская спинку кресла для удобства.

Роэману уже порядком надоела та музыка, которую слушал Гена, тем более что этот дурак нашёл ещё более омерзительную волну. Эта станция крутила рэп. А Мартынов ещё постукивал пальцами в такт этой музыке.

«Он ещё и рэп слушает! Скудоумный!». Роэман покосился на завалившегося на спинку кресла Гену и вздохнул. Он подумал, что было бы неплохо взять сейчас топор Мартышки и захватить ему прямо в его бычий, тяжёлый лоб. Расколоть ему его же топором башку, лишь бы выключить эту мерзость. Но Мартынов предусмотрительно убрал топорик себе под левую руку.

Эта музыка и тупые тексты выводили его из себя, а совокупности с неприятными ощущениями в груди просто сводили его с ума. И он чувствовал, что его раздражение уже достигло фазы холодного гнева, но Виталий Леонидович был готов терпеть и дальше. Молча контролировать гнев, терпеть Мартышку и музыку недоразвитых подростков.

Глава 7

– Это она! – Роэ увидел девочку, которая вышла из дома. В этом сомнений не было. Это был червь! Он повернулся к Мартынову. – Ну, чего лежишь? Опять упустить хочешь?

Девка быстро побежала к арке. А Гена уже поднимал спинку кресла, сел поудобнее и зло, как будто огрызнулся, ответил Роэману:

– Не упущу.

Машина с рёвом рванула с места, теперь двор был наполовину пуст, и автомобиль через несколько секунд выехал из арки.

– Налево, – Роэ указывал водителю пальцем, – вон она.

От другого дома им навстречу двинулась была небольшая красная «ауди» и чуть-чуть, одним крылом, загрозила им проезд.

Уже через секунду Мартынов стоял перед красной машинкой с топором в руке и, вытаращив сумасшедшие глаза, орал на молодую женщину, что сидела за рулём:

– Быстро убралась, мразь! Быстро, я сказал...

Дамочка и не подумала спорить, сдала назад, и Мартынов снова оказался на месте водителя. Машина рванула вперёд, разгоняя тяжёлый туман перед собой.

«Теперь точно засветился. А чего от него ещё ждать? Дебил – дебил и есть, это уже и по музыке, что он слушал, было понятно». Роэман не собирался что-либо советовать Мартынову, чему-то его учить. Виталий Леонидович откинулся на спинку кресла и смотрел вперёд. Ему было не до будущих проблем Мартынова. Странное дело, то чувство в груди... Оно стало тяжелее, что ли. словно холодный ком превратился в ледяной камень. Он буквально почувствовал во рту острый привкус опасности, от которого цепенели пальцы.

– Вон она, – радостно заревел Мартынов, – вон, через детскую площадку бежит.

Давя на педаль газа, он на чрезмерной для внутренних улиц скорости объехал огромную детскую площадку и, уже паркуя свой большой автомобиль, пообещал:

– Я быстро.

Схватил топор и выскочил в туман, и пошёл очень бодрым шагом наперерез девочке, которая была едва различима в белой и влажной пелене.

«Спинища у него какая!». Роэман подумал, что ему будет нелегко справиться с Мартыновым, когда они встретятся на той стороне. Вернее, было бы нелегко. Именно так. Виталий Леонидович откинулся на спинку кресла, положив голову на подголовник, приняв позу смиренного ожидания.

Он даже не смотрел в ту сторону. Всё, что он смог сделать, – это дотянуться и выключить музыку. Только вот спокойствие его было внешнее.

Он не видел ни девки, ни своего бывшего помощника, всё укрыл туман. А вот холодная тяжесть в груди была с ним, теперь она стала больше напоминать не тяжесть, а резь. Роэман уже знал, что дело не выгорит. Знал, что у Мартынова ничего не получится. Не прошло и минуты, как ему стало душно, ладони вспотели. Так душно, что захотелось выйти из машины на воздух. Но он не вышел. Он просто повернул голову в ту сторону, в которую ушёл Мартынов, и увидел, как из пелены тумана к нему идёт ОНА. Да, это была та самая баба, которую он уже видел ночью. Она шла не спеша, вырисовываясь всё чётче и чётче. Неприятная. И сквозь туман было отлично видно огонек от сигареты. Вроде и одета хорошо, платок на голове красивый... Но... Плащ... Какой-то замызганный, рукав грязный. Одна рука в кармане плаща. А во второй, в правой, она что-то несла. Он не сразу понял, что это. А потом разглядел... Это... это был топорик Мартынова. Она шла и шла, пока не подошла ближе. Стёкла в машине у Мартынова тонированные. Но Роэман знал, что это ровным счётом ничего не значит. Он знал, что она видит его. Он уже мог разглядеть её светлые, светлые глаза. Они буквально впивались в него с удивительной точностью. Впивались прямо ему в лицо. Баба подошла к машине вплотную, сигаретка в зубах. Постояла и небрежно кинула топорик на большой капот. Теперь Виталий Леонидович с облечением отвёл от неё взгляд и смог рассмотреть его. Топорик был в крови. Весь, включая рукоять. А к его лезвию, к самому носку, прилип клочок волос. И Роэман знал, чьи это волосы. А баба так и стояла у машины с его стороны; не будь стекла, он мог бы дотянуться до неё рукой. Теперь-то ему было ясно, почему её плащ такой замызганный, весь в тёмных, жирных пятнах. Она не собиралась ничего делать, просто стояла и курила. Он снова посмотрел на неё. Он понял, что ошибался, посчитав её глаза светлыми. Они были не светлые, а белёсые, зрачки в них были почти такого же цвета, как и белки. Светло-серые, мутные, как у застарелого покойника. Их взгляд пронзал и затемнённое стекло двери, и его тело, и душу. И Виталий Леонидович, не раз стоявший на грани смерти, не раз попадавший в ситуации, из которых практически нереально было выбраться живым, ещё никогда в жизни так отчётливо не чувствовал могильной сырости.

И лицо её было спокойным и бесстрастным, а ещё серым, только в отличие от светло-серых глаз, кожа лица была тёмно-серой. На правой щеке и на подбородке чернели две гнилые язвы. Он невольно поёжился; да, даже через дорогую дверь и дорогое стекло машины он прекрасно чувствовал, как от неё несёт сырым холодом. Теперь он знал, что напоминал ему тошнотный ком в груди.

Он смотрел на неё, а она на него. И им не нужно было слов, чтобы понимать друг друга. Секунд десять молчания, и все вопросы между ними были сняты. Виталий Леонидович к этому дому и к этой девочке не приблизится. Никогда.

Женщина достала из кармана новую сигарету, закурила и, больше не взглянув на него, повернулась и не спеша пошла в туман. А вот Роэман спешил. Виталий Леонидович быстро с пассажирского сиденья перелез на водительское, осмотрелся – как тут что, – взялся за руль и, включив передачу, поехал от этого страшного места. Набирая скорость, он резко крутанул рулём туда-сюда, чтобы окровавленный топор с клочком волос соскользнул с капота.

Он не очень хорошо понимал, куда ехал, – дома-дворы, дома-дворы – и когда выехал на какую-то улицу, он не знал её названия. Роэман по наитию свернул налево, пересёк сплошную и поехал к Московскому проспекту. Он не был искусным водителем. Плохо знал правила, ему привычнее было ходить пешком, но сейчас он думал только о том, чтобы убраться отсюда побыстрее, и машина для этого была как раз то, что нужно.

Чувство холода с примесью тошноты уже его не донимало. А вот от серого лица с чёрными язвами он хотел держаться как можно дальше. Уж очень был выразителен взгляд белёсых, мёртвых глаз.

Мартышка? Да плевать на него. Эта страшная баба, которую дессы звали Гнилой, сделала то, что собирался сделать он сам. И вообще, по большому счёту всё вышло не так уж и плохо, хорошо, что он что-то почувствовал ещё в первый раз, хорошо, что не полез к червю сам. Ну да, с червём он, конечно, вопрос не решил, но зато понял, что его охраняет влиятельная тварь. И теперь ему будет о чём рассказать привратнице. Ну а смерть Мартынова всем, кто знал об их последних отношениях, доходчиво объяснит, что с Виталием Леонидовичем лучше не враждовать. Вот только одного он понять не мог. Мартынов... Неужели Мартынов ничего не чувствовал? Ни холода, ни предчувствия беды, ни острого ощущения опасности? Неужели ничего? Наверное, нет... Этот идиот искал самые дебилские песенки на всех самых омерзительных станциях. Он был абсолютно спокоен и ни о чем не волновался.

Не послушалась папу. Не пошла в школу. Но угрызений Светлана сейчас не испытывала. Состояние предвкушения чего-то нового. Именно от этого состояния и настроение у неё было приподнятое. Именно такое настроение бывает у молодых женщин, когда они с кучей денег идут за обновками. И дело тут было не в покупках. Не в обладании вещами. Светлана просто очень, очень сильно хотела изменить себя. Улучшить. Стать такой, на которую одноклассники обратят внимание. Стать той, над которой перестанут прикалываться.

Она давно ходила в спортивной одежде. Девочки из её команды, которые почти все были старше неё, постоянно носили спортивную одежду. Это был этаким знаком, подчёркивающим их принадлежность к особой спортивной касте. И Светлана тоже стала носить спортивные костюмы и обувь. И в школу ходила так же. А так как папа её любил, у неё было много дорогой спортивной одежды, и поначалу, в седьмом и восьмом классе, вещи с эмблемами «Найк» и «Адидас» у многих её сверстниц вызвали даже зависть. Но потом девочки стали всё меньше ей завидовать. Уже с девятого класса они начали носить одежду, более подходящую девушкам. А она так и ходила в спортивном, сначала не замечая изменения общих тенденций, а потом уже и не имея возможности приобрести что-то иное. Так Света и заработала издевательский эпитет «Спортивная».

Да, так как в её классе была ещё одна девочка с именем Светлана, то одноклассники её так и называли – Света Спортивная. И вот, имея при себе почти одиннадцать тысяч рублей, она хотела себя изменить. Для этого ей нужна была новая одежда, новая обувь. И вообще всё новое. Новый «лук», как говорили её сверстницы. Светлана быстро добежала до «Радуги» и вошла в светлые коридоры торгового центра всё в том же приподнятом настроении. Витрины, витрины, витрины. Бельё, одежда, обувь, аксессуары. Тут десятки разных магазинов. Тут есть всё, что ей нужно. Девочка была в этом уверена. Поймала себя на том, что сразу пошла в сторону двух спортивных магазинов. Ну нет. Развернулась и... вот он. Магазин обуви с красивым названием «Рандеву». Светлана уже бывала тут, сидела, скучала на больших мягких пуфах, пока мама бесконечно долго примеряла какие-нибудь туфли или сапоги. Девочка зашла в магазин и почти сразу увидела то, что ей было нужно. Ах, как они были прекрасны!

Аккуратные туфельки из чёрной кожи. Небольшая платформа, как раз на петербургскую осень, с её дождями. Круглый носик, ремешок с красивой серебряной пряжкой. Такие туфли... носят героини анимэ. Точно. Просто прелесть, а не туфли! Ей нужны были именно они. Она именно такие и хотела, просто до этой минуты не знала об этом. Она повертела их в руках, увидела этикетку и... сразу расстроилась. Шесть шестьсот? Пипец! Это же больше половины денег, что у неё есть. Это были классные туфли, но очень дорогие.

– На них скидочка, – произнесла милая девушка в чёрном платье, подошедшая к Светлане незаметно.

– Скидочка? – Света повернулась к ней.

Девушка взяла у неё туфлю, взглянула на этикетку:

– Да, вот, сейчас их можно приобрести за четыре восемьсот. У вас какой размер?

Света вздохнула. Четыре восемьсот тоже очень дорого. После такой покупки у неё останется совсем мало денег, а ей хотелось ещё купить узкую юбку, такую, какую носит Лиза Марфина, а ещё блузку белую, и пальто. А ещё колготки! У неё сто лет не было колготок! А ещё зонт она хотела купить и шапочку, какую-нибудь. Перчатки! Ей давно хотелось иметь перчатки. И красивое нижнее бельё. То, что она купила недавно, очень ей нравилось, но её одноклассницы носили совсем другое бельё. Взрослое.

– Так какой у вас размер? – не отставала от неё милая продавщица.

– Тридцать восьмой, наверное, – ответила Светлана, уже не собираясь покупать эти божественные туфли, но эта девушка в чёрном платье была такой внимательной к ней.

Продавщица смотрит на её мокрые растоптанные кроссовки и произносит:

– Принесу тридцать восьмой и тридцать восемь с половиной.

Она уходит, а девочка садится на большой пуфик ждать.

Ей подошёл размер тридцать восемь с половиной:

– Ну, это естественно, – говорила продавщица, помогая ей застегнуть пряжку на ремне, – вы же девушка высокая. Вот зеркало, подойдите к нему.

Это были лучшие туфли, что она когда-либо надевала на ноги. Ну как их было не купить?

«Четыре восемьсот. Дорого... Ну и что? У меня же дома ещё есть деньги. Да и отец Серафим уже сдал монету на аукцион. Аукцион заканчивается через три дня. А я ещё принесу монеток из снов. Деньги будут!».

И, конечно же, из магазина «Рандеву» девочка вышла с пакетом, в котором была большая обувная коробка, в которой лежали... её старые растоптанные кроссовки. Да, эти туфли никак не шли к её стареньким тренировочным штанам фирмы «Рибок». Девочка это знала, знала. Но ничего с собой поделывать не могла. Она не могла не надеть их сейчас же. И теперь шла, и ей казалось, что каждый третий встречный, даже если это мужчины, смотрят на её туфли и восхищаются ими. Ну а как такими классными туфлями можно было не восхищаться?

И ими восхищались, их замечали, в чём Света сразу убедилась, как только вошла в модный магазин нижнего белья. К ней сразу подошла девушка-продавец и сказала:

– Классные туфли, я тоже себе такие хочу.

Света даже погордиться не успела, как она продолжила:

– А к ним подойдут чулки.

– Чулки? – Света поначалу даже удивилась. Она подумала, что девушка предлагает ей взрослые чулки. Но продавщица тут же пояснила:

– Это анимешные чулки, знаете, такие, которые чуть выше колена, их носят анимешницы и косплейщицы.

– А, поняла.

Светлану эти чулки, конечно, заинтересовали, и уже через десять минут она выходила из этого магазина с новым пакетом, в котором были роскошные чёрные чулочки с красными подвязками.

Она померила их и не смогла отказаться от покупки. Они были как раз её по ноге. В этом её убедила продавщица. Обалденная вещь! Их как будто только что сняли с одной из героинь с «Мадоко Магика». Жаль, что их нельзя было надеть сразу, как туфли. Ну какой смысл натягивать чулки под треники? А о том, что они стоили баснословные семьсот шестьдесят рублей, Светлана не думала. Она просто пошла в магазин «Монки», где купила себе ещё юбку. В складку и до колена. А вовсе не такую узкую, как носит Лиза Марфина, ну и другие девочки из класса. Купила ещё красивую блузку со стоячим воротничком и тёплый жакет, который можно носить как верхнюю одежду. И под конец, когда всё это было куплено, она увидела берет. Берет и перчатки к нему. Станный, но такой классный. Он был небольшой, фиолетовый и кокетливый. Света покосилась на болтавших у кассы продавщиц и взяла его. Двести шестьдесят рублей – ну, не так уж и дорого для такой вещи. Она надела его, подошла к зеркалу. И сама

собой восхитилась. Берет был просто супер! Её загорелое лицо, светлые глаза, светлые волосы и насыщенный фиолетовый цвет. Такие береты, да и вообще береты, девочки из её класса не носили точно. Но такой берет могла запросто надеть любая героиня из какого-нибудь японского мультлика. Светлане очень, очень шёл этот берет. И к тому же прекрасно гармонировал с туфлями, юбкой и чулками. Она взяла перчатки и натянула их. Мягкие. Они удивительно приятно обтягивали руки. И дополняли берет. Она не могла оторваться от зеркала, смотрела на себя то с одной, то с другой стороны.

«Ещё двести двадцать рублей... И фиг с ними, деньги будут. Куплю! У меня никогда в жизни таких не было... А может, и не будет».

Она пошла к кассе. Ещё девочка купила себе зонт. Красивый розовый зонт, он был почему-то уценён и продавался всего за сто восемьдесят рублей. У неё остались только те деньги, что давал ей папа на ведение хозяйства. Всё остальное она потратила почти подчистую. А тут как раз «Бургер Кинг». Она давно мечтала попробовать огромный и дорогой гамбургер. Да, его-то она и заказала, а ещё стакан «пепси-колы». Бутерброд был столь огромен, что она не стала даже брать картошку к нему. Получила заказ, села за свободный столик, разложив на стулья пакеты со старой одеждой, и с огромным удовольствием съела его, запив приторно сладким напитком. Это был очень, очень хороший день. Наверное, самый хороший день за всё время после несчастья.

Ей казалось, что все на неё смотрят. И все восхищаются ею. Её удивительным «луком». Ну, как минимум удивляются тому, как она выглядит. Уж четверо пацанов лет тринадцати-четырнадцати за соседним столом точно её разглядывали и обсуждали. Но этого мало, девочке очень-очень хотелось встретить кого-нибудь из знакомых. Чтобы этот кто-то заметил её новый вид и сказал ей, как она прекрасно выглядит, ну или что-то подобное.

Но уроки в школе ещё не закончились, из школы тут никого быть не могло. Из её секции так вообще тут никто не мог оказаться. И Света уже знала, куда она пойдёт покрасоваться обновками. Знала, кто сможет оценить её выбор. Доев последние крошки гамбургера и допив последние капли из картонного стакана, она оптимизировала свои пакеты, сложив всю свою старую, влажную и плохо пахнущую одежду в один самый большой пакет. Старые кроссовки она положила в рюкзак. И, пересчитав остатки денег, подошла к одному из прилавков на фуд-корте.

– Шаверму классическую и «Меринду», маленькую бутылку.

И уже через пять минут она выходила из ТК «Радуга». Выходила почти счастливая.

Глава 8

– Бахилы не забываем надевать, – напомнила ей медсестра.

– Ой, извините, – Светлана стала искать глазами бахилы. Нашла и надела пару синих пластиковых мешочков на свои новые туфельки.

Конечно, они портили её вид, но ничего не поделаешь. Правила есть правила.

В больницах и садиках иной раз пахнет одинаково. Она поднялась на нужный ей этаж и нашла нужную ей палату, заглянула в неё. На кровати Пахомова, рядом с ним, сидел какой-то молодой пацан, судя по одежде и свалившимся с ног тапочкам, тоже из больных, и они оба тарасились в телефон, который держал Владик.

Они были увлечены просмотром, смеялись и не сразу обратили внимание, когда девочка открыла дверь, вошла и остановилась у входа в палату. Света волновалась: интересно, что по поводу её нового вида скажет Пахомов? Но те были увлечены чем-то весёлым в телефоне. И тогда девочка подошла к ним почти вплотную.

И только тут мальчики подняли на неё глаза. Светлана почувствовала себя на седьмом небе. Их взгляды прекрасно передавали их эмоции. И эти самые эмоции были как раз такие, на которые она и рассчитывала.

– Офигеть, Влад, это к тебе тянка? – произнёс молодой пацан. Он разглядывал Свету с головы до ног. Пахомов, увидя её, обрадовался:

– Фома! – но тут же исправился: – Света.

Он молча сунул пацану его телефон и бесцеремонно, локтем, спихнул мальчишку со своей кровати. Глаза Влада всё ещё выражали, мягко говоря, удивление.

– Ну, ты пипец! – продолжил он, разглядывая девочку.

– Что? – спросила Света краснея. Она прекрасно видела его реакцию и знала, что он сейчас чувствует, но ей просто необходимо было устное подтверждение этих своих ощущений. – Не круто?

– Наши дуры из класса тебя засмеют, – сразу ответил Пахомов.

А вот это было не совсем то, что рассчитывала услышать Светлана.

– Засмеют? – переспросила она немного удивлённо.

– Ага, от зависти, скажут, раньше была спортивной, а теперь стала анимешницей, – заверил её Влад и тут же успокоил девочку: – Да ну и хрен с ними, они курицы, беспонтовые, а ты офигенно выглядишь.

– Офигенно, – подтвердил приятель Пахомова.

Она стояла так близко к кровати Влада, что он протянул руку к её ноге и попытался прикоснуться к краю её чулка, зацепить пальцем. Но Света быстро убрала ногу, не позволив ему этого сделать, и он произнёс с восхищением:

– Чулки – круто, – и тут же добавил, разглаживая одеяло на краю кровати: – Ты садись.

Светлана, прежде чем сесть, достала из пакета с одеждой шаверму и «Меринду».

– На, – она хотела спросить про здоровье, но не успела.

– О, шавуха! – Пахом схватил еду, бутылку бросил на кровать, а шаверму стал сразу разворачивать. – Тут еда пипец, жрать невозможно. Хуже, чем в нашей столовке. Матушка принесла с утра оладьи, так мы их уже съели.

– Влад, дашь куснуть-то? – почти жалобно попросил мальчишка, с которым Пахомов только что смотрел видео.

И тот обещает ему по-барски:

– Оставляю.

И тут же делает огромный, чуть не в треть шавермы укус. Сразу после этого он начинает ей говорить что-то про её прикид. Прямо с набитым ртом. А у Светланы в голове шум. Она разволновалась. Пахом восхищается, а его молодой приятель с ним соглашается, поддакивает. Да, мол, круто выглядит девочка. И они ей не просто рады. Они на неё смотрят, смотрят с интересом, разглядывают и говорят, говорят, перебивая друг друга. Но она в таком состоянии, что почти не разбирает слов. Зато видит, что по руке Пахомова из шавермы вытекает соус и капает на пододеяльник.

– Капаешь, – замечает Света, она сидит рядом и смотрит на них, пытается разобрать, что они ей говорят, и не вспоминает ни о чём таком, что могло бы испортить ей настроение. А Владу плевать на постельное бельё. Он едва взглянул на него и, перестав жевать, спохватившись, протягивает ей шаверму:

– А кстати, укусишь?

– Нет, только что бургер съела, – девочка качает головой, потом поправляет беретик и берёт бутылку «Меринды», – попою лучше.

– Бургер? А где? – спрашивает Пахомов.

– В «Бургер Кинге».

– О, там крутые бургеры, – сказал мальчишка, приятель Влада, и Светлана одарила его кивком головы: да, крутые.

Как давно она не чувствовала к своим словам такого внимания сверстников. Папа, врачи, сиделки, попы их прихода – это всё не то. Совсем не то.

– Ага, – говорит Пахомов, – не то, что в этой помойке «макдаке».

Мальчишки молниеносно прикончили шаверму и теперь пьют «Меринду» маленькими глотками прямо из бутылки, Свете же выдали стакан, и они все вместе рассуждают о бургерах и жареной картошке в разных забегаловках. И Светлане было, как говорится, прикольно с этими пацанами. Она давным-давно ни с кем так не болтала. Девочка ещё посидела бы с ними, но пришла медсестра делать уколы и выгнала её из палаты. И самое приятное случилось под конец.

– Свет, – говорил ей Влад, когда она, уже закинув на плечо рюкзачок, который он, кстати, порвал, брала в руки зонтик и пакет, – придёшь ещё?

– Приду, – пообещала она. – Может, завтра, если время будет.

– Шавуху принеси, – говорит молодой мальчишка, имени которого она так и не узнала.

Она снова ему кивнула: ладно. Помахала Пахомову и вышла.

На улице дождик и ветер. Погода неприятная. Но ей было очень хорошо сейчас. Туфельки на платформе, хоть уже и поднатёрли ей ноги, спасали её от луж. Красивый яркий зонт скрывал от холодных капель. Она быстро шла домой, покормить папу и дать ему времени поспать перед работой. И уже недалеко от дома, сворачивая с Фрунзе во дворы, она случайно взглянула назад... И снова увидала её. Элегантная Дама шла за нею метрах в пятнадцати. Её плащ промок и, как показалось Свете, был какой-то замызганный. Её платок тоже промок. А дорогие сапоги были откровенно грязны. Маска на лице, очки... Раньше Светлана не замечала того, что эта Дама на самом деле... страшная.

Всё, прекрасное настроение Светланы сразу испарилось. В одну секунду. И туфельки с беретиком и чулочками её радовали значительно меньше. От одного вида Элегантной Дамы она позабыла про свои обновки и про весёлую болтовню с мальчишками. Девочка отвернулась и, ускорив шаг, пошла к своему дому, и до самой парадной даже ни разу не обернулась. Не хотела снова увидеть её. А на лестничной площадке Светлане пришлось остановиться, чтобы, прислушиваясь, не идёт ли кто, снять с себя новую и красивую одежду и надеть свою старую, которую и надевать-то теперь было просто противно. Нужно было, конечно, что-то придумать, сочинить и про одежду, и про деньги, а пока – ничего не поделаешь, пока от папы придётся всё скрывать и всё прятать.

Она всё думала, что Любопытный сейчас объяснит ей всё, расскажет, почему исчез вчера в самый опасный момент и почему не появился позже, когда всё разрешилось относительно благополучно. Но Лю не обмолвился о вчерашнем происшествии ни единым словом. Словно и не было ничего, ни его ошибки насчёт хромоты Аглаи, ни исчезновения сразу после этого. Ни извинений. Ни слов оправдания. Свету это даже немного покорило. Во всяком случае она рассчитывала... ну, хотя бы на объяснения этого поведения, но и их не последовало. Когда девочка заявила, что Аглая забрала у неё жука-трупоеда и ей нужно будет идти за другим, он сразу сказал ей:

– Туман простоит ещё полчаса, но мы можем отправиться на Танцы прямо сейчас, я уже оглядел окрестности, Аглаи нигде нет.

«Аглаи нигде нет! – Света передразнила голос. Но, конечно же, про себя. – Ты вчера говорил, что она хромает и что это самый удачный день, чтобы покончить с нею!».

Всё-таки надо было ему что-то сказать по поводу вчерашнего, ну или хотя бы задать пару вопросов, но опять, опять она боялась поругаться с Любопытным и потерять единственного и, что уж там говорить, полезного друга в этих страшных местах. Но вместо этого девочка только оглядела конец своей жабьей палки и произнесла:

– Сначала зайдём в развалины за жабым жиром.

Жабий жир на палке быстро покрывался пылью, и Света боялась, что его эффективность от этого сильно падает. Признаться, вчера, когда наглая Аглая выхватила из рук девочки палку, Света подумала, что жабий яд на эту чокнутую не подействовал, но потом, когда они были уже

около моховой поляны, Аглая морщилась и трясла рукой, как будто только что схватилась за что-то очень горячее. Нет, без свежего жира девочка теперь никуда не хотела ходить.

После она, почти не разговаривая с Лю, пробежала немного по Гагарина и свернула на Типанова, и уже мимо развалин и груд битого камня побежала к железнодорожной насыпи. Ей очень не хотелось вновь попасть на Танцы, но другого выхода не было, а значит, нужно было сделать это побыстрее, тем более что Лю был с нею и туман уже стал заметно редеть.

Она быстро пробежала мимо отлично сохранившейся многоэтажки по одну сторону и приземистого, без стёкол здания магазина «Окей» по другую. И уже вскоре почувствовала запах канализации. Подул ветерок с востока. Этот ветер разогнал последние клочья тумана. Этот ветерок, дувший ей навстречу, и приносил этот запах. И она вспомнила его. Жёлтая вонючая речка с мерзкими круглоголовыми крокодилами была совсем рядом.

Глава 9

Старая, поросшая лопухом и борщевиком железнодорожная насыпь, а под нею когда-то была автомобильная дорога. Теперь эта дорога превратилась в зловонное жёлтое озеро. Канализационные стоки, не иначе... И ветер был как раз оттуда. На Свету буквально обрушился горячий и сильный запах нечистот. Он был такой выраженный, такой плотный, что девочка почувствовала рвотный спазм.

– Здесь всё поменялось, – заметил Лю. – Раньше тут этой жидкости не было. Видимо, её течение изменилось.

А Света стояла, опустив глаза к земле, открыв рот и высунув язык, она боялась сделать глубокий вдох, боялась, что её вырвет. И старалась не дышать носом.

– Что-то не так? – спросил у неё Любопытный.

– Я туда не пойду, – девочка махнула рукой в сторону зловонного озера, что разливалось под насыпью. – Это оно так воняет.

Говорила она быстро, отрывисто, чтобы всё успеть сказать между приливами тошноты.

– Что вас останавливает? – Лю, кажется, не понимал её. – Я не вижу какой-либо опасности для вас.

– Не могу, там воняет очень сильно, запах..., – только и смогла произнести Светлана.

– Запах, – как-то странно повторил за ней голос, – это очень интересный феномен вашего мира. Один из механизмов познания окружающей среды, мне хотелось бы понять его природу, я бы хотел чувствовать запахи.

– Сейчас бы вам расхотелось, – сказала девочка, давась от вони, – не могу больше... Я ухожу отсюда.

– Я вижу путь, который позволит вам избежать сближения с этой жидкостью, – тут же сообщил Любопытный. – Вам нужно идти к тем развалинах, что справа от вас. Там возвышенность. И относительная безопасность.

Повторять Светлане было не нужно. Она сразу побежала в указанную сторону. Ей очень хотелось побыстрее отсюда убраться.

Пока её не вырвало.

– Но там прячется один призванный. Он в тех развалинах, что находятся справа от вас.

Тут когда-то стояли многоэтажные панельные дома, и развалины здесь были совсем не такие, как в её кварталах.

– Призванный? – девочка сразу замедлила движение. – Это... Супримами вы называете крутых, типа Аглаи или мамы-Таи, фероксами диких, типа дедков, а призванными... тех, которых сюда призывают сирены?

– Да. Таких, как вы, – произнёс голос.

– Там прячется такой же, как и я?

– Полагаю.

Светлане захотелось взглянуть на такого же, как и она. Возможно, этот призванный составит ей компанию в походе на север. Ведь у них может быть общая цель. Если Лю ничего не путает. Да и просто поговорить с ним было бы очень интересно. Ей так этого захотелось, что она даже остановилась и стала смотреть в сторону развалин.

– Кажется, вы напугали его, – сказал голос.

– Напугала? Откуда вы знаете? – Света даже расстроилась немного.

– Он прячется. Увидел, что вы остановились, и стал забираться всё глубже под развалины. Это немного разочаровало девочку. А тут ещё и Лю снова заговорил:

– Человек Светлана-Света, нам нужно продолжить наше дело, моё время всё-таки ограничено, а там, куда мы идём, я был бы вам полезен.

Да, в то страшное место без Любопытного ей вообще лучше не соваться. Девочка нехотя повернулась и побежала по разрушенному полотну шоссе мимо хорошо сохранившейся бензозаправочной станции к железнодорожной насыпи.

Она ещё не добежала до насыпи, когда услышала раскатистый и низкий рёв. Она сразу узнала этот не очень-то приятный звук. Так ревел великан, крушащий машины на парковке перед торговым центром. И почти тут же заговорил Лю:

– Судя по всему, нам придётся немного подождать. За насыпью охотятся гигантские фероксы.

– Великаны эти? Их, что, там много, что ли?

– Двое, – ответил Лю. – Вам не следует выходить из-за насыпи, человек Светлана-Света, они могут вас заметить.

«Выходит, зря торопились, – подумала Светлана. Она потихоньку, чтобы не наступить на какую-нибудь жабу, взбиралась на насыпь. – Могли бы того призванного в развалинах поискать».

Кривые и жёлтые от ржавчины рельсы, какие-то опасные на вид колючки растут между ними. И снова рёв, протяжный и раскатистый. Света выглядывает, но ничего не видит, насыпь мешает, она чуть привстала и только тогда смогла их разглядеть. В паре сотен метров на север от неё, у вонючей жёлтой речушки из нечистот, что протекает под насыпью, охотились два гиганта.

Фероксы! Они все с ног до головы в этой жёлтой жидкости, скачут по берегу, то и дело запуская в неё свои огромные руки, гиганты ловят тех круглоголовых крокодилов, что обитают в этой реке. Одного из них поймали. Тот извивался, выгибался. Ловко выхватив его из воды, великан, стараясь не дать крокодилу себя укусить, с размаху хлопнул его об землю, тут же схватил и ударил его ещё раз, и ещё. А к первому на четырёх конечностях, по-обезьяньи, тут же подбежал второй и стал у него вырывать уже мёртвую добычу. Крокодил тут же был разорван, и гиганты стали его жадно пожирать. Одного небольшого крокодила двоим таким огромным фероксам, ясное дело, было мало. Они его сожрали за десять секунд, а потом стали снова бродить по берегу вонючей реки и совать в неё руки. И самое неприятное было в том, что мост из двух ржавых труб, по которому Света могла перейти реку, был как раз в сотне метров от великанов.

– Судя по всему, нам придётся подождать, – подтвердил её опасения Любопытный, – я не вижу поблизости иного пути, чем этот.

Светлане вовсе не хотелось попадаться на глаза этим фероксам, она прекрасно помнила, что случилось только что с тем крокодилом. А крокодил-то был по размерам побольше девочки. Она присела так, чтобы великаны были в поле её зрения, и стала отдирать со своих штанов репы. Девочка поглядывала то на бродящих по берегу фероксов, то на юго-восток, на тёмную, почти чёрную тучу. Даже здесь был слышен тот низкий гул, что шёл оттуда. Танцы! Туча. Если бы это была туча, даже если бы это была какая-нибудь буря, и то ей было бы не так страшно. Но ведь темно там не от туч и не от пыли. Там темно от мух, от миллиарда мух,

что роятся в воздухе, и от миллиона жуков-кусак, что покрывают там все поверхности. А ещё там есть мерзкие птицы и эти мерзкие твари, которых Света называла крысами, хотя они были величиной с кошек. Но худшее, что там было, так это трупы. Они были там повсюду. Свежие и наполовину съеденные, голые и одетые. Они лежали на земле, облепленные мухами и жуками, а ещё кружились в медленных вихрях. Крутились себе не спеша, выгнув спины, раскинув руки и ноги, запрокинув головы с пустыми глазницами. Все и всегда животами вверх.

В тот первый раз Светлана старалась на них не смотреть, она тогда натянула капюшон, закрыв им лицо от мух... не хотела она смотреть на мертвецов, но оно как-то само выходило, словно они притягивали её взгляд. Она видела их и запомнила. Потому она и не хотела ходить на эти Танцы. Тем более одна.

Было жарко, а два огромных урода так и не уходили от моста, так и торчали на берегу вонючей реки, пытаясь схватить ещё одного крокодила. А Света о тошноте уже позабыла, она вдруг поняла, что хочет не только пить, но и есть. Это, кажется, был первый случай, когда она тут, в Истоках, захотела есть. Ну да, она просыпалась после этих снов голодной, но вот чтобы испытать голод тут...

Она опять взглянула на берег. Один из фероксов-великанов улёгся и лежал, а другой всё ещё бродил по берегу и сейчас дошёл почти до самого моста.

– Лю, – позвала девочка.

– Я здесь, – отозвался тот.

– А вы скоро исчезнете?

– Да, моё время истекает.

– Тогда я возвращаюсь, я одна на Танцы не пойду, – Светлана была расстроена. Она не любила, когда происходило подобное. Уж лучше закончили бы всё сегодня. Это как поход к зубному. Готовишься к походу неделю, собираешься с духом, и в последний момент тебе говорят, что врач перенёс приём на завтра. Отвратительно! Опять ждать.

– Это взвешенное решение. Думаю, что вы поступаете правильно, – спокойно продолжал голос. – Без меня поход туда будет чрезмерно рискованным.

Она спустилась с насыпи и побежала к перекрёстку, думая о том, что завтра сюда снова придётся возвращаться. Но не пробежала девочка и пары километров, как Лю ей говорит:

– Думаю, что скоро вас покину, но вы будьте осторожны, тот призванный всё ещё прячется от вас в тех развалинах. Не думаю, что контакт с ним будет вам полезен. Держитесь от развалин подальше.

– Призванный? Ещё прячется? – тут Светлана вспомнила про него.

– Да, сейчас он наблюдает за вами из укрытия.

– Хорошо, Лю, я буду осторожна.

У неё было ещё много сил, она могла бежать и бежать, но девочка перешла на шаг. Света не стала слушать Лю. Она ждала, пока он уйдёт и, кажется, дождалась. Пройдя метров сто-сто двадцать, она позвала его:

– Лю.

И, с удовлетворением поняв, что он уже не рядом с нею, изменила направление и не спеша пошла к развалинам блочной многоэтажки.

В ломаных панелях разрушенного дома укрытий намного больше, чем в развалинах кирпичного. Она даже и представить не могла, где в этой небольшой горе обломков когда-то бывшей девятиэтажки может прятаться человек. Девочка подняла голову и поглядела вверх, вправо, влево, она немного волновалась, не знала, как этот человек отнесётся к ней и к её желанию пообщаться; тем не менее ей очень хотелось ну хотя бы поговорить с ним, и Светлана крикнула:

– Эй... Я знаю, что вы тут! Не бойтесь меня!

И неожиданно для себя почти сразу получила ответ, это был женский голос, какая-то молодая женщина крикнула сверху:

– А что вам надо?

Светлана поначалу даже не нашлась, что ответить, но через пару секунд сообразила.

– Ничего особенного, просто хочу поговорить хоть с кем-нибудь. Тут даже поговорить не с кем.

– Да, – донеслось сверху, – тут одни уроды, психи и убийцы.

Света улыбнулась, это были очень правильные слова.

– Точно, поэтому я и хотела поговорить с вами.

– А откуда вы знаете, что я тут, как вы меня увидели? Я ведь не высовывалась?

Вопросик был непростой. Светлана даже опешила на секунду: если сказать про Любопытного, эта девушка может принять её за вышеупомянутого психа. И поэтому ей пришлось придумать ответ:

– Я иногда чувствую людей. Ну, когда они рядом...

– Когда смотрят на вас сзади?

– Да, когда смотрят сзади, – соврала Света.

– Я тоже это иногда чувствую, – девушка в развалинах, кажется, даже обрадовалась.

За спиной девочки раздался визг. Светлана обернулась и увидела, как пара кошек на другой стороне улицы догнала и уже рвёт на куски зазевавшуюся крысу. Света огляделась, совсем позабыла про осторожность, стоять вот так и орать здесь было опасно. Район незнакомый, мало ли кто тут может обитать, и кошки вон какие крупные.

– Можно мне подняться к вам? А то мы внимание криками можем привлечь.

И тут девушка, кричавшая сверху, вдруг перешла на «ты»:

– А ты всегда с палкой ходишь?

– Да, мне так спокойнее, – отвечала Светлана. «Хорошо, что она ещё Кровопийцу не разглядела». – Она меня не раз выручала, а то нападают всякие...

– С палкой как-то стрёмно, – кричала девушка, – может, ты без палки поднимешься?

– Вы не волнуйтесь, – Светлане очень не хотелось оставлять палку без присмотра, но она не знала, как убедить девушку, и поэтому заверила её: – я её к хорошим людям не применяю.

– Ну ладно, – донеслось сверху. – Поднимайся.

«Ура!». Девочка ещё сама не понимала, чему радуется, наверное, тому, что удастся с кем-то поговорить, пообщаться. А то тут не с кем, если не считать чокнутую. Она быстро карабкалась по обломкам бетонных панелей вверх. И, поднимая голову, видела на самом верху, приблизительно на уровне третьего этажа, девушку.

– Сюда! – девушка махала ей рукой.

Света наконец забралась наверх, и девушка пригласила её в уютное помещение. Две стены углом с куском окна, полплиты вместо крыши. Почти комната, в которой, правда, нельзя встать во весь рост. Зато прекрасный обзор. Отсюда был хорошо виден весь проспект до самой железнодорожной насыпи.

Девушка была чуть старше Светланы, наверное, на пару лет, сейчас у неё были чёрные волосы с синими концами, видимо, совсем недавно её голова была синей. Пирсинг. В носу у неё было кольцо.

Одета она была в изрядно поношенную пижаму с Микки Маусом. И в её речи было много мата.

– Тебя как звать? – спросила девушка.

– Светлана.

– Кринжовое имя, – заявила девица. – Меня башмаки тоже называли кринжово, но когда я получала паспорт, я себе крутое имя сделала. Меня зовут Анна-Луиза.

– Анна-Луиза? – переспросила Света. Да, имя звучало классно. – А кто такие башмаки?

– Башмаки? Это я так предков называю, они у меня конченные. Имеют меня всё время за всю фигню, и чуть что, сразу отправляют меня в дурку Павлова на Васильевский. А там уколы, – пояснила Анна-Луиза. – А тебя предки тоже чморят?

– Предки? Меня нет, – Света и сама не поняла зачем, тем не менее произнесла: – У меня мама в коме, а папа инвалид.

– Круто! – почему-то обрадовалась Анна-Луиза.

– Да нет, это не круто, – не согласилась с нею Светлана. Она вообще-то даже удивилась этому заявлению новой знакомой.

– Ну, я в том смысле, что они тебя, наверное, не сильно достают, – пояснила девушка.

Светлана могла бы сказать о том, что уж лучше мама доставала бы, чем видеть, как на приборе её жизнеобеспечения индикатор давления опускается ниже нормы. Или видеть, как папа морщится от боли, когда после отдыха встаёт на костыли. Но всего этого она сказать не успела, Анна-Луиза протянула руку к её палке.

– Крутая палка.

Света едва успела отдёргнуть своё оружие, иначе новая знакомая прикоснулась бы к тёмному, жгучему его концу.

– Да ты не бойся, я же не отниму, – сказала Анна-Луиза.

– Да нет... Ты просто обжечься могла. Сильно..., – пояснила девочка. – Я этой палкой даже от крутых отбивалась. Её лучше не трогать.

Девочка заметила – когда рукав пижамы чуть отполз – на руке Анны-Луизы белые полосы выше запястья. Шрамы. Их было несколько в ряд. Но спрашивать про них она не решилась.

– А палка опасная? – спросила новая знакомая.

– Да, палка опасная.

– А где ты взяла одежду? Тут почти все голые ходят, – спросила Анна-Луиза. – Или ты в ней сюда приходишь?

– Нет, я здесь оказалась в трусах и майке, – рассказывала ей Светлана, – а одежду я взяла в торговом центре. Он тут недалеко, «Радуга» называется.

– А, я видела... Знаю это место, – вспомнила новая знакомая, – отсюда ночью его вывеску видно, она яркая.

– Ночью? – удивилась девочка. – Ты тут ночью бываешь?

– Иногда, – как-то нехотя произнесла Анна-Луиза. – Иногда днём так накрывает, что я закидываюсь колёсами, и меня отрубает, – она замолчала всего на секунду и тут же продолжила: – Но ты лучше так не делай. Тут и днём-то кринжово, а ночью тут вообще вилы.

Света даже и представить не могла, что тут творится ночью.

– Тут, наверное, страшно ночью, – предположила она.

До сих пор Анна-Луиза говорила спокойно, даже иной раз немного бравируя, а тут её тон переменялся, она произносила слова с остатками чувств пережитого страха:

– Тут пипец. Просто голимый пипец творится. Туман такой, что руку вытянешь – и пальцев уже не видно, на небе только луна, да и её не видно, светлое пятно, и всё. И такие мерзкие твари в тумане... Лазят везде, визжат и визжат всё время, их много.

– Крикуны, они перекрикиваются. Как будто разговаривают.

– Да-да-да, – кивала новая знакомая. – Точно, перекрикиваются. Иногда так близко подходят... И ещё чёрные твёрдые тараканы. У... Какие ж мрази... Вылазят из всех щелей и ползают везде, их в темноте не видно, кусаются просто зверски. Я сижу, пошевелиться боюсь, это писклявый гад где-то рядом, а по ноге вдруг таракан поползёт... Сбросишь их, начнёшь топтать, ещё и исколешь все ноги... У меня на ногах от них такие раны были. Короче, ты днём лучше не спи.

Света понимающе кивнула. Уж про кусак в темноте и про раны от них на разных частях тела она и сама могла бы рассказать. Но не стала.

Глава 10

– Слушай, а ты не могла бы меня сводить в «Радугу»? – продолжала Анна-Луиза, – мне тоже ботинки нужны, и рюкзак, – и теперь она говорила как-то грустно. – Мне скоро уже идти нужно будет.

– Куда? – поинтересовалась Светлана.

– Туда, – Анна-Луиза чётко указала на север рукой. – К Васильевскому острову.

И тут Света обрадовалась:

– Мне тоже туда надо!

– И ты их слышишь? – серьёзно спросила Анна-Луиза.

– Кого?

– Голоса, они тебя тоже зовут всё время?

И Светлане не захотелось ей говорить, что она почти ничего такого не слышит. И она произнесла:

– Нет, не всё время... Не всегда.

– А я всегда их слышу. Пока не закинусь или не раскумарюсь. Всё время они в голове ноют и ноют... Зовут... А башмаки с бабкой меня запирали в детстве. Я ни есть, ни спать не могла, головой об стены билась, лишь бы не слышать их. А предкам пофигу было. Говорили, перебесится. Принесут еду, а она на вкус как бумага, что бы ни принесли, мультики мне ставили, а мне всё неинтересно – депресняк. А в голове всё стоит этой вой. Пока курить не начала, он меня почти не отпускал.

– А это? – Светлана указала новой знакомой на шрамы на руке.

Анна-Луиза взглянула на свою руку.

– А, это я от бухла вскрывалась... Когда в башке звон стоит – бухать нельзя. Колёса любые, трава, соли – всё можно, а от бухла ещё больший депресняк наваливается. Или если тебя бросают – тоже вскрываться охота. Или назло башмакам.

– И что, после этого тебя родители приняли всерьёз?

– Нет, они меня в Павлова отвозили, а там эти крысы доктора им говорили, что это у меня демка.

– Демка?

– Ну, демонстративный суицид. А это попытка манипулирования близкими. В общем, суицид не настоящий, демонстрационный. Демка. А какая нахрен демка, если я прощальных звонков никогда не делала и писем родакам не оставляла. В общем, врачи – мрази.

Света и не знала, что теперь говорить новой знакомой, молчала, но та сама нашла что сказать.

– Слушай, ну ты отведёшь меня в «Радугу»? Мне тоже нужен походный прикид.

Девочка осмотрела её внимательно, Анна-Луиза была молода, но в тоже время она была рыхловата, полновата, совсем не спортивна,

Свете не хотелось ей этого говорить, но сказать было нужно.

– Извини, но ты не дойдёшь до «Радуги».

– Не дойду? – скорчила недовольную гримасу. Кажется, Анна-Луиза легко обижалась.

– Там медузы повсюду. Их над СКК и парком много висит. Там нужно будет всё время бежать. А они умные, они с разных сторон нападают. А на парковке великан был. От него нужно бежать очень быстро. А в самом здании черныш в темноте сидит.

– Черныш?

– Ну, такой... Ну, такое чёрное, как будто лохматое существо, которого в полумраке вообще не видно, только когти поблёскивают, если свет на него немного падает.

– А ты, значит, туда ходишь? – Анна-Луиза ей, кажется, не верила. – И можешь от всех убежать?

– Я бегом занималась долго.

– М-м... Бегом, – в голосе Анны-Луизы звучат нотки разочарования. – А сюда ты зачем приходила? Ты ведь там долго на насыпи сидела.

– Перейти на ту сторону не могла, – отвечала девочка. – Великаны у моста бродили.

– Они там рыбу ловят, – сказала Анна-Луиза.

– Рыбу? А мне казалось – крокодилов, – произнесла девочка.

– Ну, может, и крокодилов, хрен их разберёт, этих тварей... А ты хотела мост перейти и туда, где тучи висят, пойти?

– Собиралась.

– А зачем вы туда ходите? – спросила Анна-Луиза.

– «Вы?», – Света удивилась. – А что, туда много людей ходит?

– Да не так чтобы очень много, но иногда крутые, типа тебя, приходят к насыпи и уходят туда. Я всё хотела узнать, что вам там надо. Там ведь страшно под этими тучами.

«Крутые?». Это прозвучало классно. Светлане польстило, что новая знакомая считает её крутой, но всё равно, говорить о том, зачем она шла на Танцы, ей почему-то не хотелось.

– Это не тучи, – произнесла Светлана. – Это мухи.

– Мухи? – Анна-Луиза поморщилась. – Фу, блин... Это стрём. Там, что, столько мух? Пипец, я бы туда не могла пойти, меня от местных мух тошнит, отвратные твари, как ты только туда можешь ходить?

– Просто... Надеваю капюшон, закрываю лицо и иду, – ответила Светлана. Новая знакомая снова, хотя, может быть, и не осознанно, польстила девочке.

– А с чего это мухи там собираются в таком количестве?

– Они там едят, – Света чуть подумала и повторила. – Они там едят. Мёртвых.

– Мёртвых? Людей?

– Угу, – девочка лишь кивнула в ответ. – Там много мёртвых.

– И откуда они там берутся?

– Падают.

– Падают? С неба, что ли?

– Неба я там не видала, они падают сверху, – отвечала Светлана. – Падают и лежат. Мухи, жуки-кусаки, крысы, птицы жирные, все там ждут свою еду.

– Ой, – Анна-Луиза скривилась ещё больше. – Фу, зачем ты всё это мне рассказала? Лучше бы я думала, что это тучи, – она чуть помолчала и вспомнила. – А зачем вы туда ходите?

И Светлане снова не хотелось ей отвечать на этот вопрос, она и сама не могла понять, почему. И тогда новая знакомая вдруг отошла от неё, подняла руку вверх, засунула её в щель под «потолок» и вытащила оттуда полупрозрачную пластиковую коробочку. Подошла к Светлане и осторожно приоткрыла её. Через узкую щёлку девочка увидела обломанные стебельки усов, цепкие лапы, чёрный блестящий хитин в ярких оранжевых пятнах. Это было то, зачем Светлана сюда пришла. В коробочке шебуршал жук-трупоед.

– Откуда он у тебя? – сразу спросила Света, она и не скрывала, что удивлена.

Анна-Луиза заулыбалась:

– За этим вы туда ходите?

Света молча кивнула.

– И всё-таки, зачем они вам? – спросила Анна-Луиза.

И на этот раз девочка ей не ответила, она просто не знала, можно ли об этом всем рассказывать.

– Ну ладно, не хочешь говорить – не говори, – новая знакомая была явно недовольна скрытностью Светланы, тем не менее протянула ей коробочку.

– Держи.

– Мне? Это мне? – девочка удивилась. Она такого не ожидала.

– Ну, мне-то он точно не нужен, – произнесла Анна-Луиза. – Что мне с ним делать? Не есть же его. Бери.

– Спасибо, – девочка была удивлена таким неожиданным подарком. – Этот жук мне нужен... Ну, он показывает, где проход... В одно опасное место.

Но Анна-Луиза ей, кажется, не поверила.

– А я видела, как их едят.

– Едят? – второй раз за день Светлана снова почувствовала приступ тошноты. – Кто их ест?

– Один здоровенный мужик, – стала рассказывать Анна-Луиза. – Он гонялся за ним по всем обломкам, а как поймал – сразу сожрал.

– Жука, такого? – Светлана всё ещё не верила.

– Кажется, такого, – призналась новая знакомая. – Он далеко был. Я не рассмотрела точно. Но если это был жук, то он его целиком проглотил.

Света взглянула на полупрозрачный пластик, за которым чернел крупный, неприятный, вонючий жук с противной головой и крепким хитином. И ей опять стало нехорошо: «Зачем есть такую гадость?».

Но всё равно, жук представлял для неё большую ценность, и поэтому она спросила:

– А тебе что-нибудь нужно?

Анна-Луиза словно ждала этого вопроса от неё.

– Ну, если ты не можешь помочь мне с одеждой, то тогда..., – она сделала паузу. – Знаешь, такие чёрные листья. Они ими натираются.

– Фиолетовые листья? – уточнила Света.

– Те, которые я находила после того, как их использовали, были чёрного цвета и сильно пахли лекарствами.

– Это фикус. Сначала он тёмно-фиолетовый.

– Ну, наверно. Так ты сможешь найти мне такие? – тут Светлана впервые заметила, что зрачки у Анны-Луизы большие и чёрные.

– Знаю одно место, где растёт нетронутый фикус. Это парк. Там очень опасно, но я достану тебе листьев. Ну, попытаюсь..., – Света хотела хоть что-то сделать для неё, но поняла, что ей нужно уходить. Она надеялась добраться до депошки, не хотела, чтобы Лю завтра её искал. – Я сейчас пойду уже. Мне нужно добраться до своего убежища.

– А где твоё место?

– На Гагарина, тут недалеко, пара километров. Даже меньше. Там конечная остановка трамвая и маленький домик, депошка. Я там обитаю.

– А можно мне с тобою? – вдруг произнесла Анна-Луиза. Она была старше Светланы, но сейчас её просьба прозвучала совсем по-детски. Так ребёнок просит взрослого взять его с собой. – Не то чтобы я навязывалась, я такого сама не люблю, просто у меня тут никого нет, ну, из знакомых. Мне тут и поговорить не с кем, тут одни мужики вонючие. Голые, какие-то грязные все, агрессивные.

Да, она сейчас напомнила Светлане братьев, когда они просят не водить их в садик. И опять девочку что-то остановило. Она почему-то не хотела показывать новой знакомой свою уютную депошку, и поэтому она произнесла:

– Нет, нельзя, – и тут же, поняв, что это прозвучало излишне грубо, добавила, держа коробочку с подаренным жуком: – Там одна сумасшедшая на меня охотится, я от неё убегу, а вот ты нет. Поймает – убьёт. И к моему убежищу можно подойти только по мху. Знаешь, такой серебряный мох, который может ноги проткнуть?

– А, ну да, знаю, – ответила Анна-Луиза. Она сразу как-то закисла после ответа Светланы.

– Слушай, – девочка решила исправить положение. – Я тоже собираюсь идти на север. Мы можем пойти вдвоём.

– Ты серьёзно? – Анна-Луиза даже не скрывала радости.

– Серьёзно.

Новая знакомая кинулась к Свете и крепко её обняла.

– Я даже боялась тебе это предложить! Это офигенное предложение, лучшее, что мне предлагали за всю мою жизнь. Самое офигенное.

Девочка чувствовала, как пахнут её волосы, и молчала, она не ожидала, что кто-то будет так рад её предложению идти куда-то вместе.

– А знаешь, давай встретимся в реале, – Анна-Луиза наконец выпустила её из объятий.

– Ты где живёшь?

– Я на Гагарина, – ответила девочка.

– А я в Купчино, на Дунайском. Это недалеко, можем встретиться где-нибудь на Московском.

– Хорошо, – согласилась Света. – Где?

Глава 11

Девочка даже немного волновалась, когда поднималась по лестнице на третий этаж. Казалось бы, чего тут волноваться, в эту школу она ходила уже девять лет. Но теперь всё было не так, как всегда. Во всяком случае ей так казалось. Света поймала на себе несколько взглядов старшеклассников. А ещё один парень, из девятого класса, многозначительно сказал: «Вау», увидав её. Это из-за чулок, наверное. Она даже начала думать, не переборщила ли она со своим «луком»? Не слишком ли он вызывающий? Но вчера Пахомову и его приятелю она понравилась. И Света, постояв у двери и набравшись храбрости, вошла в класс.

И, конечно же, её сразу заметили. Сразу. Сначала девочки. А потом уже и пацаны. Полкласса одновременно повернули головы в её сторону. Люба Бельских и Катя Воронцова уставились на неё, взгляды их были неоднозначные, а Бельских ещё и язык высунула. И это значило: фу, блин! Это что ты нацепила? А Катаева Оксана даже прокомментировала её появление:

– Фомина! Аниме головного мозга? Да?

И девочки тут же стали сползаться в кучку и, собравшись, начали между собой переговариваться, поглядывая на Светлану. Шептались они негромко и со смешками. И это была не совсем та реакция одноклассниц, на которую она рассчитывала.

– Всем привет, – Света чувствовала, что краснеет. Она сняла берет с перчатками и усеялась за свою парту, бросив набитый вещами рюкзак на соседний стул.

И ей было бы очень некомфортно в своём новом наряде, но настроение ей исправили мальчишки, которые пришли в себя после её появления.

– О! Фома! – воскликнул беспробудный геймер и троечник Саша Головин. – Ништяк прикид!

Конечно же, девочки облили его тоннами молчаливого презрения, но Света ему улыбнулась. А вторым был Сабаев, он сидел сзади Светланы и сразу ткнул ей в спину линейкой пару раз, и когда она повернулась к нему, произнёс:

– Фомина, мы с Тимохой хотим свалить со следующего урока, пошли с нами, мы в «макдаке» собрались посидеть. Или... пива купим.

Мурат хорошо учился и никогда не дразнил Свету, и в младших классах, когда её ещё интересовала учёба, он всегда давал ей списывать на контрольных по точным предметам. Раньше, конечно же, она согласилась бы на его приглашение, но теперь...

– Сегодня я занята.

– На тренировку, что ли идёшь? – с долей разочарования в голосе спросил Мурат.

– А я, по-твоему, только на тренировки могу ходить? – чуть заносчиво – откуда это только взялось в ней – спросила девочка.

– Да нет, не только..., – всё с тем же разочарованием ответил Сабаев.

И Светлана тут же смягчилась.

– Мурат, я не могу сегодня. У меня встреча.

– Ну ясно, – сказал одноклассник кисло.

Девочка даже не успела его пожалеть, как, убрав её рюкзак со стула, рядом с нею плюхнулся Глушков и сразу заговорил, причём так, что весь класс слышал:

– Чего, Фомина, вы с Пахомом толкнули монету, и теперь ты в себя инвестируешь?

Света и не знала, что ему ответить на это, а он продолжал:

– Прикольный прикид, теперь у нас в классе есть косплейщица, только вот платье нужно с фартуком. – Он схватил её клёвые перчаточки и стал натягивать их на свои лапищи.

И этого Света уже не выдержала, она отняла у него перчатки и стала выталкивать его с соседнего стула:

– Глушков, иди на своё место, уже звонок был.

Он стал хихикать и ещё поупирался бы, ему всегда было, что сказать, но в класс вошла училка. Обычно Ирине Аркадьевне было достаточно одного взгляда, чтобы успокоить учеников, но на сей раз ей пришлось сказать:

– Глушков, на своё место.

После она прошла по классу, оглядела всех, больше других уделив внимания, конечно же, Светлане, и лишь после этого произнесла:

– Садитесь.

Света не сразу узнала Анну-Луизу, она пришла к ресторану «Пряности и Радости», что у станции метро «Московская». Остановилась, проверила время на телефоне и поняв, что пришла вовремя, стала оглядываться по сторонам. И тут к ней подлетела девушка, вся в чёрном, в широких штанах, чёрном пальто и грубых чёрных башмаках на толстой рифлёной подошве. Это была она, новая знакомая девочки. Знакомая с той стороны. Анна-Луиза, подлетев к Светлане, неожиданно повисла у неё на шее.

– А я думала, ты не придёшь! – она тут же отстранилась от Светы, чтобы её рассмотреть. – Офигеть у тебя прикид. Прикольный стайл, членомрази на тебя ведутся, со страшной силой, наверное.

Они пошли по проспекту в сторону Парка победы.

Светлана, с одной стороны, была рада, что произвела на свою знакомую такое впечатление: прикид рулит. Но с другой стороны, она немного растерялась от новых слов.

– Прости, кто? Кто ведётся? – не поняла девочка. Светлана тоже рассматривала свою новую знакомую. Оказалось, что Анна-Луиза на полголовы ниже её; там, во сне, Света этого не заметила. И ещё у неё были до странности расширены зрачки, и говорила она слишком громко.

– Ну, членомрази... Мы, сёстры, так мужиков называем.

– Мужиков, – Света всё ещё не понимала. – А сёстры – это кто?

– Ну, мы, сёстры. Мы, феминистки и лесбиянки, всех, у кого есть член, так и зовём, а ты, что, не знала? Ты, что, на женских форумах, где сёстры собираются, не бываешь?

– Нет. Не бываю, – призналась девочка и покачала головой. А когда ей бывать на таких сайтах? Раньше она занималась спортом, а теперь ей и вовсе не до того было. Теперь на ней весь дом. Светлана любила в свободное время – это когда близнецов удавалось пораньше уложить – посмотреть новости, но половина новостей, которыми она интересовалась, была про лёгкую атлетику. А ещё она смотрела медицинские сайты, которые помогают людям, у которых тяжело болеют близкие. Но сайты сестёр... – А почему вы их так называете?

– Ну, потому что они мрази, – логично заметила Анна-Луиза. – Все мужики мрази. Они меня раз сто насиловали. Поили и насиловали. А тебя, что, никогда не насиловали?

Девочка в ответ только удивлённо расширила глаза: нет.

– Странно, ты такая стройная, длинноногая, – Анна-Луиза смотрела на девочку оценивающе. – А в школе к тебе мужики не клеились?

Светлана только пожала плечами. Она не замечала особого внимания мальчиков к себе. Ну, до последнего времени...

– И отец тебя не бил никогда?

Тут Светлана даже остановилась.

– А тебя, что, бил?

– Да постоянно, – сообщила Анна-Луиза. – и по лицу, и по задку, скакалкой, отнимал у меня всё, вещи, одежду, чтобы не ходила по ночам, колёса чужие забирал, мне потом за них отрабатывать приходилось, дома запирали, к бабушке в Тверскую область отвозил, в психушку меня сто раз сдавал. Я его отравить хотела. Блин... Ненавижу урода.

Девушка была возбуждена и весела, рассказывая всё это так, словно ей нравилось удивление Светланы, а та смотрела на неё и ничего не могла сказать. Она просто не знала, как на всё это реагировать. А новая знакомая, видимо, почувствовав её недоумение, вдруг сказала:

– Это «мяу-мяу», не обращай внимания, я закинулась перед встречей, вот и ору, у меня ещё есть доза. Хочешь?

– Мяу-мяу? Это что? Наркотик? – Света, кажется, уже не удивлялась.

– Меф, мефедрон, – тут же пояснила Анна-Луиза, – мне докторка выписывает золот... Овца тупая, я ей говорила, что мне мало, меня к вечеру уже отпускает и начинает колбасить, говорила, что мне дозняк надо увеличить, но она жмётся, вот и приходится мефедроном догоняться. А если не принять чего-нибудь, то меня снова голоса доставать начинают, и такая депрессуха накрывает, что мне опять вскрыться хочется.

Говоря это, Анна-Луиза достала из сумочки коробочку из-под мятного тик-така, наполовину заполненную каким-то порошком.

– Будешь?

Света при этом заметила, что почти на всех пальцах Анны-Луизы есть по кольцу, и почти все они были золотые.

– Нет. Нет, – отвечала девочка твёрдо.

– Ты вообще не торчишь, что ли? Ни от чего?

Самый злостный потребитель наркотиков у них в классе был Пахомов, его называли плановым, иногда грибником, он всегда знал, где взять покурить, но девочке почему-то казалось, что Пахомову до Анны-Луизы ещё очень далеко.

– Нет, я спортом занимаюсь, – отвечала Светлана.

– Может, бухнуть хочешь? – спросила новая знакомая. – Или ещё чего-нибудь, что тебя прикалывает?

Света подумала, что могла бы выпить капучино, она очень любила этот напиток, но ей сейчас не хотелось. Вернее, не хотелось его пить с Анной-Лизой. Ей вообще уже хотелось уйти, девочка была уже не рада, что пришла сюда. Анна-Луиза ей была... ну, не очень приятна. Сто раз изнасилованная. Сто раз? Врёт, наверное. Ну, как-то это странно. Она не любила своих родителей, и мужчин тоже. Членомрази – какое-то мерзкое слово. Мяу-мяу! Меф!

Нет, всё это было слишком странным для неё. Она покачала головой:

– Нет. Я не пью. Я спортом занимаюсь. Бегом.

– Тебя что, от бега раскумаривает? – удивилась её новая знакомая.

«Раскумаривает. Ещё одно дурацкое слово от Анны-Луизы». Светлана пожала плечами.

– Мне нравится бегать.

– Ну тогда, может, просто поедим? – кажется, это было последнее её предложение. Анна-Луиза, несмотря на принятый ею препарат, заметно погрузнела.

Света думала, что Анна-Луиза предложит «Макдональдс», он как раз был тут недалеко, но та произнесла:

– У Парка Победы «Мама Рома», там прикольные креветки в кляре, и пиццы тоже прикольные, может, пойдём поедим?

Света только успела подумать о том, что «Мама Рома» – это очень даже неплохо, но вчера она и так потратила кучу денег. А новая знакомая уже доставала из сумки штук шесть или семь голубых тысячерублёвых купюр:

– У меня деньги есть. Я угощаю, – она просила Свету пообедать с ней, просила по-настоящему...

Когда такое было? Когда девочки просили Светлану вместе поесть? И Света не смогла отказать, тем более тут было недалеко.

– Ну пошли.

А креветки на самом деле были вкусные. Официантка принесла их в маленьких корзинках, в которых, помимо креветок в оранжевом, зажаристом кляре, были ещё четвертинки лимона и маленькие чашечки с розовым вкусным соусом.

Анна-Луиза выдавила лимон на креветку и, сразу макнув одну креветку в соус, с удовольствием стала есть.

– Офигенно вкусно.

Девочка не спешила, сначала она посмотрела, как всё делает её новая знакомая, и лишь после последовала её примеру. Она тоже смочила креветку лимоном. Да, это было вкусно. По-настоящему вкусно. Давно Светлана ничего такого вкусного не ела. С тех пор, как случилось горе, – точно. А ещё они заказали пиццу. И, хоть Света и отказывалась, Анна-Луиза заказала ей красивый сине-зелёный коктейль. Официантка попросила у неё документы, и они у новой знакомой Светы были при себе.

Коктейль и назывался красиво: «Голубая Лагуна». Света никогда не пила ещё вот так, в ресторане, как взрослая. И она почувствовала себя взрослой, это было приятное чувство. И коктейль оказался вкусным, и ощущение «взрослости» щекотало самолюбие, и внимание Анны-Луизы, которая заказала себе две порции текилы.

В общем, Светлане всё нравилось, и она уже не жалела, что приняла предложение новой знакомой. Девочка даже поинтересовалась у неё:

– Анна-Луиза – красивое имя, а какое у тебя было раньше?

– Башмаки называли меня Анной, – сразу отвечала та. – Пришлось добавить, чтобы не было так кринжово.

– Ну, Анна тоже красивое имя, – произнесла девочка и взяла очередную креветку.

– Угу, особенно если башмак называет тебя Нюрой. У... Ненавижу, – вспомнила Анна-Луиза, жирными пальцами взяла рюмку и выпила из неё половину содержимого. И после уже стала снова рассказывать о своей непростой жизни, только более развёрнуто. Она говорила в основном о себе, о своих взаимоотношениях с родителями, о своих подругах, о своих «приходах» и пребываниях на излечении, и всё это она говорила громко. Свете казалось, что люди, которые сидят за соседними столиками, слышат весь этот рассказ. И это было девочке не очень приятно. Но также Света отметила, что когда Анна-Луиза завела речь про Истоки, она сразу заговорила тихо, почти шёпотом.

– А ты кому-нибудь говорила про это... ну, про наши сны? – спросила у неё Светлана так же тихо.

– Конечно, – новая знакомая приблизилась к ней, – сначала матери, потом врачихе, а она меня сразу в дурку отправила. Раньше мне ставили биполярку, а там мне сразу шизу вlepили.

– Ставили? – не поняла Светлана.

– Ну, диагноз, – пояснила Анна-Луиза, – и всё, сорок дней дурки -это пипец! Там меня такой химией стали грузить, что просто вилы, она хуже галоперидола, меня так ею нахлобучивало, иногда меня просто от этой химии парализовало, я иногда отрубалась и оказывалась там, и самое страшное, что и там пошевелиться не можешь.

Света даже макнула креветку в розовый соус и замерла, так ей было интересно. А Анна продолжала:

– Лежу парализованная среди развалин, жук, мразь, мне на ляжку залез и начал грызть, прямо через штаны пижамы.

Девочка была в ужасе, она снова вспомнила свои ощущения, которые испытала под землёй.

– И грызёт, и грызёт ногу, а я с ним ничего и поделывать не могу, даже заорать не могу, едва дышу, но всё-таки ещё радуюсь, что это жук меня нашёл, а не коты, или эти вонючие, мокрые птицы.

Да, верно, Анна-Луиза это точно подметила, тамошние птицы и вправду кажутся мокрыми. И воняют гнилью.

– В общем, я зареклась кому-либо рассказывать про сны, которые так реальны, – закончила Анна-Луиза, и тут же стала глазами искать официантку: ну и где наша пицца?

Они съели и креветок, и пиццу, и заказали ещё кофе и, если бы Светлане не было нужно домой, девушки бы ещё что-нибудь заказали. Но Света достала телефон, чтобы посмотреть время, засобиравшись, и Анна-Луиза попросила счёт, а сама продолжала:

– У тебя телефончик, пипец, из прошлого века. С ним ещё Путин в школу ходил.

Светлана усмехнулась и кивнула.

– Хочешь, я куплю тебе хороший «айфон»? – вдруг предложила новая знакомая.

Светлана удивлённо взглянула на неё. Но та, как ни в чём не бывало, продолжала:

– Хочешь, сейчас пойдём и купим.

– А за что? – поинтересовалась Светлана. Этот вопрос был логичен, ведь они знали друг друга меньше суток, и вдруг – «презентик».

– Говорю же, презент, у меня есть деньги...

«Тридцать или сорок тысяч, или сколько он там стоит? И это презентик? Она, что, дочь короля Купчино?». Девочке, конечно, очень хотелось новый телефон... Но это было как-то странно.

– Мне сейчас домой уже пора, папу кормить, – ответила на предложение она.

И Анна-Луиза пожала плечами: кормить папу? Это для неё было делом малопонятным.

На улице девушки стали прощаться, Анна-Луиза теперь ещё больше привлекала к себе внимание прохожих, всё так же громко говорила, а под конец, когда Светлана уже с ней попрощалась, Анна-Луиза вдруг обняла, встала на цыпочки и её поцеловала. Прямо в губы. Света просто окаменела от неожиданности. Влажные и горячие губы новой знакомой ей показались... неприятными. Нет, нет... Девочка совсем не так представляла себе поцелуи.

– Я пойду, – сказала она, пережив первые секунды замешательства.

Света повернулась и быстро пошла прочь.

– Света, ты, что, обиделась? – Анна-Луиза попыталась идти с ней.

– Нет... Просто... Мне домой пора, – отвечала Светлана и пошла ещё быстрее, теперь она точно хотела уйти.

– Ну ладно... А на той стороне ты меня сегодня найдёшь? Придёшь ко мне? – Анна-Луиза очень хотела её там видеть. Это чувствовалось.

– Приду, – обещала девочка и прибавила шага, почти перейдя на бег.

Глава 12

После креветок и пиццы, естественно, есть с папой «доширак», даже с хорошими сосисками, она не стала, пошла мыть пол, сначала в маминной комнате, потом в прихожей, там всегда много грязи осенью. А сама при этом думала об Анне-Луизе. И... о телефоне, который та ей предложила. Да, новый телефон, а тем более «айфон», девочке очень хотелось. Но откуда у Анны столько денег? И на меф ей хватает, и на рестораны, и на офигенно дорогие подарки! Неужели у её родителей столько денег? И если у них много денег, то почему они живут в Купчино? Всё это было Светлане непонятно. Папа лёг спать, ему нужно было поспать до смены, а она быстро закинула вещи близнецов, и свои тоже, в стиральную машину, почистила картошку

на ужин и решила поменять постельное бельё у мамы. А тут пришёл Камаев, лечащий врач мамы, он забрал заполненные сиделками и Светой показания, поговорил с девочкой, и чуть-чуть, на базе новых данных, изменил лечение.

В общем, дел у неё было немало. И она едва успела их переделать, как за окном уже начало темнеть, и вскоре уже нужно было идти за братьями в садик.

Минут сорок, не больше. Всего минут сорок ей удалось посидеть за компьютером, прежде чем встал папа. Но за эти сорок минут она успела выяснить, что такое «биполярка» и чем она отличается от шизы, кто такие «сёстры» и почему они не любят «членомразей», и чем заканчивается приём мефа. После она сбегала за близнецами в садик, покормила их и папу, встретила сиделку Иванову и обсудила с ней новое лечение мамы, проводила папу на работу. Только села отдохнуть, а уже скоро девять часов вечера. Колька и Макс снова играли в свои игры, снова ругались, а у Светланы даже не было сил их утихомирить. И тут ей пришла «эсэмэска». От кого это? Даже интересно.

«А шавуху ты мне так и не принесла!».

«Пахомов! Блин...».

Она же обещала к нему прийти! Забыла совсем, да и некогда ей сегодня было. Девочка быстро набирает ему ответ:

«Забыла, прости, завтра зайду обязательно!».

«Буду ждать! Спокойной ночи, Света!».

«Света». Он назвал её не по фамилии. И девочка пишет ему сразу:

«Спокойной ночи, Влад!».

Трудно было вызвать у Любопытного удивление. Во всяком случае, за его всегда ровным голосом умело скрывались всякие эмоции, ну разве что, когда он говорил о кольце, о том медном кольце, что обещала девочке мама-Тая, вот о нём он говорил долго и с заметным удовольствием предвкушения.

– Это удача, человек Светлана-Света. Вам повезло, что вы нашли жука, это сэкономит нам значительное время и усилия, и теперь мы сразу можем отправиться к Черте, не заходя на Танцы, – спокойно и без всяких эмоций произнёс Лю.

Светлана сначала не хотела рассказывать ему об Анне-Луизе, но, подумав немного, сказала:

– Вчера мне этого жука дала призванная, которая пряталась в развалинах.

– Ничего не попросив взамен? – спросил Любопытный.

– Попросила листья фикуса.

– Это был разумный обмен, он помог нам сэкономить время, – прикинул голос, – вы отдали ей те, что были у вас?

Очень Светлане захотелось сказать, что тех листьев у неё уже нет, что после нелепой погони за Аглаей их забрал себе голый мужик, но упоминать о том случае она не захотела. Лю о том случае даже речи не заводил, видимо, были на то у него причины, ну и Света не стала заводить этого разговора. И произнесла:

– Нет, у меня не было их при себе, у меня их вообще нет, я обещала ей принести листьев, они и мне нужны, хочу сходить в парк, к тому фикусу, что вы нашли для меня, помните?

– Да, помню. Вы хотите сходить за ними сейчас? – спросил Лю.

– Да, сначала мы ходим за фикусом, – она подумала, что Белый Лес лучше проходить, как следует натеревшись этим удивительным растением, да и идти в гарь, за Черту, тоже. – А сразу потом я схожу за Черту, всё хочу сделать сегодня, – сказала Света, сама удивляясь своей решительности. – Нужно уже сходить туда и покончить с этим.

– Что ж, вы очень настойчивы, – произнёс Любопытный, – наверное, вы лучший мой контакт в этом Истоке за всё то время, что я его наблюдаю.

Это польстило девочке, и она сказала, подойдя к железной двери:

- Дождаться, пока уйдёт туман, не будем, пойдём сейчас, я всё хочу закончить сегодня.
- Хорошо, – согласился Лю, – пойдёмте, я буду внимателен.

Из тумана, из-за проспекта тьякал и тьякал крикун, ему изредка отвечал другой, но оба они были далеко. Можно было идти, тем более что Свете нужно было в другую от них сторону. Туман в это утро совсем не добавлял прохлады, ей было жарко в куртке, но девочка была довольна своим решением не ждать солнца. На солнце будет ещё жарче. Она не торопясь прошла по моховой поляне – сходить на землю было опасно – пересекла Бассейную, и вскоре остановилась у самой ограды парка; тут Лю предупредил её:

- Необходимо выждать, прямо перед нами три медузы.
- Они над парком? – спросила Светлана.
- Да, охотятся.

«Это хорошо, медузы либо переловят, либо разгонят тех, кого нужно бояться», – подумала девочка. Она смотрела за оградой, пыталась разглядеть хоть что-то. Над оградой парка тёмной махиной нависала растительность, даже сквозь туман было видно, насколько густы эти заросли.

Светлана притихла, присела возле старенькой покосившейся лавочки и внимательно смотрела на ограду парка и слушала, слушала, поворачивая голову даже на малейший звук. Любопытный, конечно, был хорошим помощником, но она уже не доверяла ему так безоговорочно, как раньше. Он уже не раз допускал ошибки, за которые приходилось расплачиваться ей. Девочка после случая с Аглаей пришла к выводу, что лучше ей полагаться на себя.

– Медузы отошли на север, если сейчас вы пройдёте вдоль южной границы парка, то сможете добраться до растения, – произнёс Лю.

Повторять ей было не нужно, Светлана сразу встала и, поправив Кровопийцу, быстро пошла вдоль ограды на восток к проспекту Гагарина, а потом свернула на него и, почти перейдя на бег, стала двигаться на север, в сторону Красного Дерева мамы-Таи. Но туман скрывал от неё всё, что было впереди.

– Лю, передо мной ничего нет? Никакой опасности?

– Дальше по вашему движению бродит незрячий ферокс, он собирает падаль, и на заборе дальше сидит крикун, но он, кажется, один. У большого здания справа от вас пять медуз, но они далеко, больше ничего опасного, – отвечал голос.

«Слепой дед, одинокий крикун, медузы далеко, – девочка быстро шла вдоль ограды, – ничего особенного, главное – там, за забором, быть осторожной». Она прекрасно помнила кузнечика величиной с кошку, что ей пришлось убить в прошлый раз.

– Вы пришли, – произнёс Любопытный.

Света не могла точно сказать, то ли это место, туман был ещё очень плотным, но она послушала его и остановилась.

– Лю, поглядите, нет ли за оградой чего-нибудь опасного?

– Нет, – сразу отозвался тот, – ничего, что представляло бы опасность для вас, я не вижу.

Нет, так нет. Тянуть смысла не было, а листья были ей нужны.

Света приставила палку к оградке и положила на ограду руки. Она была не очень приятной на ощупь. Железо было тёплым, влажным и немного липким. Но девочке было не до того, ей нужны были листья фикуса, и она быстро и ловко подтянула себя вверх и уже через секунду сидела на оградке и тянула к себе свою палку. И уже перед тем, как спрыгнуть вниз, спросила ещё раз:

– Лю, ну что? Ничего страшного рядом нет?

– С вами рядом только мелкие существа, и ещё одна медуза в двух сотнях ваших шагов на север отсюда.

Светлана спрыгнула вниз. Тут было ещё и душно. Острые листья растений, а на них насекомые. Неприятные насекомые. Неприятные растения.

– Идите прямо, – указывает дорогу Любопытный.

И Света пошла, палкой раздвигая растительность перед собой и при этом надевая на голову капюшон. Девочка слышала, как чавкает сырая почва под её ботинками. В первый раз, когда она тут была, Света этого не заметила. Листья разных растений касались её одежды, уже и отвратительное насекомое, похожее на муравья, величиной с её мизинец, но с крыльями, село ей на рукав, а она, стряхнув эту дрянь, шла вперёд.

– Лю?

– Всё в порядке, продолжайте движение. Вы уже прошли больше половины пути.

Страшно, страшно идти всё дальше и дальше от ограды, всё влажнее грунт под ногами, всё крепче он цепляется в ботинки, всё тяжелее их вытаскивать после каждого шага. И снова насекомые садятся на одежду девочки, падают на неё с веток, которые она отодвигает от себя палкой. И вот он. Вокруг него образовалась небольшая поляна, на которой, кроме низкой травы, нет ни одного растения, даже ни одного побега. Высокий стебель, толщиной в руку девочки, от середины покрыт великолепными, фиолетово-зелёными, плотными, в человеческую ладонь листьями красивой формы. А на этой красивой полянке было совсем сыро. Светлана почувствовала, как вода проникла в её левый ботинок, залилась через шнуровку. Но это не останавливало её, она уже тянула руку к первому большому листу. А он на удивление крепко держался на стебле, и ей пришлось откручивать его. Открутила, перемазавшись его тёмно-фиолетовым, почти чёрным соком. Девочка прячет его в карман куртки, снимать рюкзак и укладывать листья туда нет времени, это она потом всё сделает. Берётся за новый лист, так же крепко держащийся на стебле, и тут же вспоминает, что у неё есть Кровопийца. Девочка вытащила его из петли. Одно движение – и новый лист почти без усилий оказался в её руке, так-то лучше, она и этот лист прячет в карман. При этом она топчется на месте, так как и во второй ботинок уже попала вода. Но это ерунда, она потерпит. Третий лист она прячет в карман, берётся за четвёртый, и тут Лю с присущей для него невозмутимостью сообщает ей:

– Опасное существо, уходите отсюда.

Она успевает срезать четвёртый лист и, едва спрятав его, схватила палку и собралась идти обратно к ограде, но поняла, что её крепко держат за ногу. И колючая боль пронзила голень над ботинком. Света только взглянула вниз и всё поняла. Её ногу обвил белый росток с небольшими шипами, выросший из земли, накрепко притянувший её ботинок к влажному грунту.

– Человек Светлана-Света, покиньте локацию, к вам приближается нечто опасное. С севера.

И точно, что-то большое и полужидкое, буро-зелёное, выползло или вытекало из зарослей напротив, катилось на неё через туман, как небольшая, низенькая волна чего-то густого и тяжёлого, но Светлана не могла оторвать ногу от земли, она была намертво притянута к грунту белым ростком, который, как пружина, плотно обвивался вокруг её голени и полз, полз вверх, к колену, острыми шипами протыкая крепкую ткань джинсов, а заодно и кожу на ноге. Вот откуда бралась боль! Да ещё и второй такой же росток уже показал своё острое, как шило, начало из земли, прикасаясь к ботинку, терся об него, также намереваясь вырасти и обвиться вокруг ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.